

Подмастерья
БОГА

Дарья Щедрина

Дарья Щедрина
Подмастерья бога

«Издательские решения»

Щедрина Д.

Подмастерья бога / Д. Щедрина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511116-6

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Глеб
работал хирургом и считал себя счастливым, ведь у него была лучшая
профессия в мире, и окружали его замечательные люди, такие, как его
учитель профессор Леденёв. Он и представить себе не мог, что родная
университетская клиника станет для него ловушкой, старый друг окажется
врагом, а девушка, что ненавидит его всем сердцем, станет самой большой
любовью в его жизни...

ISBN 978-5-00-511116-6

© Щедрина Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Склифосовский и спасение утопающих	6
Глава 2	14
Пропавший ординатор	14
Глава 3	21
Нестандартные методы воспитания трудных подростков	21
Глава 4	29
Американская мечта Севы Ярцева	29
Глава 5	35
Происшествие в темной аллее	35
Глава 6	41
Карина	41
Глава 7	47
Помрачение рассудка	47
Глава 8	52
Вестник смерти	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Подмастерья бога

Дарья Щедрина

© Дарья Щедрина, 2020

ISBN 978-5-0051-1116-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Склифосовский и спасение утопающих

Жаркий июльский день звенел кузнечиками в высокой траве, жужжал пчёлами над цветущими клумбами, дышал зноем в лицо сквозь приоткрытое окно автомобиля. Глеб с какой-то детской радостью в душе глазел по сторонам, любясь весёлыми разноцветными домиками дачного посёлка, утопающими в зелени и скромно прячущимися за невысокими заборчиками.

– А вот и наша фазенда! – хохотнул профессор Леденёв, притормаживая возле старых железных ворот в самом конце улицы. – Дачный участок получил ещё мой отец в незапамятные времена и построил этот дом. Он, конечно, старый, не современный, но я как-то прикипел к нему душой. Да и девочке моей тут нравится. Не сидеть же ребёнку в такую погоду в городе!

Он грузно выбрался из машины и открыл ворота, недовольно заскрипевшие немазанными петлями. Глеб неловко заёрзал на пассажирском сиденье, чувствуя, как забилося сердце. Из-за ворот на них смотрел небольшой бревенчатый домик, поблёскивая чисто вымытыми окнами в белых нарядных наличниках. Разросшиеся кусты сирени прикрывали его с углов. В палисаднике буйно цвели какие-то голубые цветы. И казалось, что дом плывёт по волнам зелёно-голубого июльского озера.

Пока хозяин заводил машину во двор, из-за дома вышли его встречать две женщины: одна постарше, лет шестидесяти, полная и розовощёкая, похожая в своём аккуратном фартучке и круглых пластмассовых очках на добрую волшебницу из детской сказки, а вторая помоложе, в цветастом сарафане и широкополой соломенной шляпе. Глеб вылез из машины следом за профессором, с радостью расправляя затёкшие за долгую дорогу мышцы.

– Здравствуйте, мои дорогие! – Леденёв принял в свои могучие объятия сначала жену, так, что у той свалилась соломенная шляпа, а потом и добрую волшебницу. – Я вам тут гостя привёз.

Профессор хитро улыбнулся и поманил скромно замершего у машины Глеба.

– Это мой ученик Глеб Астахов. Ну, я вам уже рассказывал про него. Иди, иди сюда, Глеб. – Глеб подошёл, смущённо бормоча: «Здравствуйте». – Это моя супруга Мария Михайловна, а это моя двоюродная сестра и добрый ангел-хранитель нашего дома Катерина Васильевна. Нам с Машей, рабам науки и медицины, некогда ни ребёнком заниматься, ни домом. Так вот Катерина Васильевна и тащит на своих плечах весь этот воз с Зойкой в придачу.

– А что это молодой человек такой худой да бледный? – поинтересовалась Катерина Васильевна, с любопытством рассматривая гостя.

– А нормальные студенты, Катя, толстыми и румяными не бывают. Глеб вместе со мной сутками в клинике торчит, света белого не видит.

– А ты, изверг, пользуешься служебным положением и бессовестно эксплуатируешь молодёжь? – засмеялась Мария Михайловна, сверкнув на Глеба карими весёлыми глазами. – Ладно, пойдёмте в дом. У Кати уже обед готов. Только Зойку дождёмся и сядем за стол.

Поднялись по приветливо заскрипевшим ступеням в дом, прошли по небольшим, уютным, заставленным старомодной мебелью комнатам. Везде – на полках, шкафах, столах и комодах, – лежали книги, будто часть городской профессорской квартиры перебралась вместе с хозяином на дачу. Вышли на веранду. По случаю жары окна веранды с трёх сторон были распахнуты в разморённый зноем сад с раскидистыми старыми яблонями. Ветерок лениво шевелил лёгкие тюлевые занавески. В центре просторной комнаты стоял старинный круглый стол, покрытый белоснежной, хрусткой от крахмала скатертью. И уже дожидались обеденной церемонии стопка чистых тарелок, хлебница и салатница с горкой крупно нарезанных блестящих

от масла помидор и огурцов в зелёном кружеве укропа. Откуда-то из глубин дома доносились сказочные ароматы запекаемой курицы и жареной картошки.

Глеб невольно сглотнул голодную слюну. Такая роскошь, как полноценный обед снилась ему только по ночам. Последнее, что он успел съесть, был бутерброд с куском подсохшего сыра и стакан чая ранним утром, когда он собирался к профессору домой, где тот ждал его, чтобы на машине поехать на дачу. Не скрывая любопытства и восторга, рассматривал он чужой гостеприимный дом, удивительно уютный и тёплый, дом, о котором можно было только мечтать.

– А где же моя Заинька? – поинтересовался профессор, по-хозяйски занимая место во главе стола.

– Уехала кататься на велосипеде, – вздохнула Мария Михайловна. – Компания ребят что ни день устраивает гонки на велосипедах. Ну, и Зойка впереди всех! Взгромоздится на эту ржавую железяку и покатила... Ходит вся в синяках, с ободранными коленками, смотреть страшно.

– Вот и я говорю, – вмешалась Катерина Васильевна, доставая из старинной горки и протирая кухонным полотенцем высокие стаканы, – как бы беды не вышло. Опасно это – кататься на таком старье. Но разве ж её остановишь? Упёртая, что твой баран. И меня совершенно не слушает. Ты бы ей сказал, Алексей Иванович...

– Что сказал? Опять ябедничаешь, тётя Катя? – раздалось за спиной и все невольно повернули головы.

На пороге веранды стояла Зоя, дочь профессора Леденёва, на деле оказавшаяся тринадцатилетним чумазым подростком в коротких джинсовых шортах и трикотажной маечке. Худые, коричневые от загара руки и ноги её действительно были покрыты замысловатым рисунком из ссадин, царапин и разноцветных синяков. Она просияла улыбкой и повисла на шее отца, тихонько взвизгнув от счастья.

– Папка приехал! Наконец! Вечером идём на рыбалку? – и требовательно уставилась на немного растерявшегося от столь бурного проявления чувств профессора. Отец и дочь были удивительно похожи друг на друга.

– Посмотрим, Заинька, – Леденёв с трудом отцепил её руки и усадил на стул рядом с собой. – Поздоровайся с гостем, Зоя. Это мой ученик, выпускник института и будущий ординатор клиники – Глеб Астахов. Я уже рассказывал про него.

От брошенного в его сторону колючего взгляда голубых пронзительных глаз Глебу стало зябко в знойный июльский полдень.

– Привет, Склифосовский! – небрежно хмыкнула профессорская дочка и отвернулась с таким видом, точно это короткое приветствие было королевской милостью.

– Привет, – ответил Глеб, украдкой вздохнув. По рассказам Алексея Ивановича он знал, что это маленькое семейное счастье с короткой мальчишеской стрижкой обладает весьма сложным характером, принося отцу с матерью немало головной боли.

– Что значит посмотрим, папа? Ты же обещал сходить со мной на рыбалку! Вчера Славка Веретенников выловил в озере такого огромного карася, на целую сковородку, честное слово. К вечеру, как жара спадёт, так и пойдём.

То, что это не просьба, стало ясно, потому как Зойка требовательно хлопнула ладошкой по столу.

– Ну, Заинька, не могу обещать, что пойду на рыбалку именно сегодня. – Профессор смутился и заюлил. – Мы с Глебом собирались поработать над статьёй для научного журнала.

– Какой ещё статьёй? – вытаращила глаза на гостя Зоя, и он немедленно почувствовал себя врагом народа, подлежащим ликвидации.

– Так, дорогие мои, – разрядила начавшую было накаляться атмосферу Мария Михайловна, – сначала обед! Зоя, быстро мыть руки, причём с мылом. А мы с Катериной Васильевной накрываем на стол.

– Давайте я помогу! – вскочил со стула Глеб, чувствуя, что своим появлением в этом доме нарушил некий установленный порядок, отчего было ему неловко и совестно. Хотелось хоть как-то исправить положение.

– Сидите, сидите, молодой человек! – пухлая мягкая ладонь домашнего ангела-хранителя легла на его плечо. – Сами справимся. А вам с Алексеем Ивановичем отдохнуть надо. Всю неделю работали без усталости, трудились, а теперь отдыхайте.

Спустя десять минут все профессорское семейство и гость с аппетитом поглощали вкуснейший обед, приготовленный Катериной Васильевной. Глеб, хоть и совсем не избалованный ресторанами, вскоре предположил, что ни один шеф-повар в мире в подметки не годится этой доброй волшебнице. Какой-то невероятный наваристый суп с потрохами, рассыпчатая сладкая картошка, ароматная до головокружения курица были столь вкусны, что Глеб начисто забыл и про статью, и про кардиохирургию, которой собирался посвятить жизнь, и вообще про медицину. Он искренне готов был присягнуть богу чревоугодия, памятуя своё студенческое, вечно полуголодное существование. А добрая волшебница то и дело подкладывала ему в тарелку то один, то другой кусочек, по-матерински приговаривая: «кушай, сынок, кушай, а то совсем худой».

После обеда, разомлев от сытости, профессор с супругой и гостем расположились в плетёных креслах на полянке под яблоней, а хозяйка кухни осталась убирать со стола и мыть посуду. Глеб честно изъявил желание помочь, но его благородный порыв был решительно отвергнут. Зойка обследовала заросли малины возле забора, бросая в сторону собеседников хмурые взгляды.

Развалившись в удобном кресле, вытянув длинные ноги, Глеб погрузился в непривычное состояние, будто наблюдал за всем со стороны. Сквозь кружево листы играло солнце весёлыми бликами. На соцветии наперстянки, погрузив до половины своё мохнатое тело в недра цветка, качался шмель. По стволу дерева медленно ползла зелёная гусеница, перебирая короткими многочисленными ножками. Тёплый ветерок обдувал разгорячённое лицо и шевелил растрепавшиеся русые вихры. Очень хотелось спать. Сказывался не только сытный обед, но и два бессонных суточных дежурства за неделю. Он почти задремал, когда неожиданный вопрос Марии Михайловны вырвал его из мягких лап сна.

– Глеб, а почему ты решил стать хирургом, да ещё и кардиохирургом? Это дань моде?

Глеб несколько раз моргнул, прогоняя сонный морок и собираясь с мыслями:

– Нет, за модой я никогда не гнался. Просто в детстве я знал одну девочку. Ей было лет шесть, а мне восемь или девять. Звали её, кажется, Нина. И у неё был врождённый порок сердца. Из-за этого она не могла играть с другими детьми, не выходила во двор, не бегала, не прыгала, как другие, а всё время сидела в комнате и лепила из пластилина. Но как она лепила!.. Из-под её тоненьких пальчиков появлялись такие шедевры, что лично я мог часами рассматривать их. Помню, однажды стал свидетелем царского пира. Маленький кукольный стол был уставлен невероятными, роскошными яствами: улыбающийся молочный поросёнок на блюде; целый лебедь с длинной изогнутой шеей и перьями, надо понимать, запечённый; длинноносый осётр с хитрыми глазками; диковинные фрукты, булочки, пироги, огромный торт в три этажа. И всё это с ювелирной точностью в уменьшенном виде передавало настоящие блюда.

Глеб вздохнул и на минуту замолчал, а потом продолжил:

– Вскоре Нина умерла. Сказали, что от порока сердца. Я ещё не знал, что это такое, но с горечью понял, что этой пластилиновой красоты больше не будет. И мир от этого обеднел. Я выспросил у старших, что такое порок сердца и дал себе слово, что вырасту и стану доктором, умеющим лечить эти самые пороки, чтобы мир не терял великих скульпторов, архитекторов, инженеров, космонавтов, или просто хороших людей. Вот теперь учусь у лучшего кардиохирурга города и одного из лучших в стране.

Он бросил благодарный взгляд на своего учителя. Тот только махнул рукой:

– Не преувеличивай моих заслуг, Глеб. Я просто хороший опытный доктор. И ты со временем станешь таким же.

Алексей Иванович повернулся к жене и продолжил:

– Я, конечно, боюсь перехвалить, но всё, что делает Глеб убеждает меня, что он на правильном пути. Думаю да, кардиохирургия – это его дорога. В нём удачно сочетаются и острый, пытливый ум и ловкие, чуткие руки.

«О ком это он? Неужели, обо мне?» – с удивлением подумал Глеб и тут же наткнулся на колкий взгляд голубых глаз Зойки. И сонливость как ветром сдуло. Он подобрал ноги и сел в кресле, выпрямив спину.

– Представляешь, Машенька, этот парень сам за свои деньги записался на курсы по ультразвуковой диагностике сердца с сентября. Говорит, что хочет сам научиться ставить диагноз с помощью ультразвука. Мало ему хирургии, так ещё и УЗИ – диагностику подавай! А деньги то ему нелёгким трудом достаются. Он же ещё на младших курсах санитаром у нас на отделении подвизался, потом медбратом. Кем ты там сейчас у нас работаешь, Глебушка, и на скольких работах?

– Да какая разница, Алексей Иваныч? – нахмурился Глеб. Он вовсе не собирался распространяться перед профессорским семейством о своей работе и санитаром в морге, и дворником, и медбратом, а теперь уже и фельдшером на скорой.

– Ничего, Глеб, вот пойдёшь в ординатуру на нашу кафедру, всё легче будет. А все те знания и умения, что ты уже приобрёл, пригодятся, обязательно пригодятся. И трудолюбие твоё тебе ох как пригодится. А со статьи этой мы начнём работу над твоей будущей диссертацией.

– Ну, Алексей Иваныч, вы и замахнулись! – усмехнулся Глеб. – Мне до этой диссертации ещё как до Луны.

– Это тебе так кажется, что как до Луны. На самом деле два года ординатуры пролетят быстро, а там сразу в аспирантуру пойдёшь. Пока я могу, Глебушка, я тебе помогать буду. Давно не было у меня такого ученика, чтобы на одной волне с ним быть, чтобы и мировоззрение общее и даже какое-то душевное родство. Да, да, не опускай глаза то! Ты просто ещё не понимаешь, как важно найти учителю своего ученика, в которого можно вложить свои знания и опыт. Ведь лишь тогда жизненный путь учителя наполняется смыслом.

Глеб опустил голову и скосил глаза на профессора. Старик, как называли его все студенты хирургического потока, с которыми учился Глеб, был благородно седым и солидным. В лице его слились черты нескольких поколений, посвятивших свою жизнь служению хирургии. Глеб знал, что и отец, и дед и даже прадед Алексея Ивановича были хирургами и учёными. Это их трудами хирургия делала широкие шаги по пути прогресса и современной науки. Его предок был соратником самого Пирогова. Дед руководил медсанбатом и оперировал раненых на полях войны, а потом попал в мясорубку сталинских репрессий, отмеченный клеймом «Дела врачей». Отец начал с санитаря в больнице, а закончил профессором университетской кафедры. На этой самой кафедре даже висит мемориальная табличка с его именем. Да, семья профессора Леденёва была идеалом, о котором можно только мечтать. И ему, безродному щенку, как называл сам себя Глеб, несказанно повезло быть избранным в ученики человеком, перед опытом и мастерством которого он преклонялся.

«Вот бы мне такого отца» – с некоторой завистью думал Глеб, наблюдая, как любит Алексей Иванович свою единственную позднюю дочь, какой нежностью наполняется его голос, едва он произносит «моя Зайка», какой тёплый свет струится из его глаз, когда он смотрит на девочку. И сердце его согревалось, когда он видел, как отец прижимает к себе ребёнка, угловатого, ершистого, непослушного, избалованного, но безмерно любимого. И ему казалось великим счастьем быть хоть чуть-чуть, хоть самую малость причастным к этой семье, к этим

замечательным людям, словно и ему перепали крохи тепла от костра любви, горевшего в их сердцах.

– Думаешь, я не вижу, какие нынче студенты у нас в институте? – продолжал Алексей Иванович. – Тупые, ленивые, безразличные к людям, к будущей профессии. У меня от одного взгляда на эту ораву, тупо уткнувшуюся в свои мобильники перед лекцией, кровь в жилах сворачивается. Я перед ними разоряюсь, рассказываю про методы хирургической коррекции врождённых и приобретённых пороков сердца, а они сидят, шушукаются между собой или опять же играют в электронные игрушки под партой, пропуская мимо ушей всё, что я говорю. Мне после таких лекций хочется выпить и забыться. Думаю: и ЭТИМ мы собираемся дать право лечить людей?.. И вдруг – горящие любопытством и жаждой знаний глаза вот этого парня, Машенька. И вопросы после лекции не то, что по теме, далеко выходящие за тему лекции. И ведь пристал как банный лист: «профессор, а можно вас спросить? Профессор, объясните пожалуйста». Ах, Глебушка, с какой же радостью я был готов тебе объяснять всё на свете, потому что ты слушал и слышал меня, вникал, понимал, перерабатывал внутри себя эти знания. Ты для меня, Глеб, оказался глотком чистого воздуха в затхлой среде лекционной аудитории. И спасибо тебе за это! Учись, друг мой, из тебя выйдет толк, я точно знаю, можешь мне поверить.

– Ох, Алексей Иванович, вы меня так расхвалили, что даже неловко, – смутился Глеб, чувствуя, как щёки заливают румянец.

– Действительно, Алексей Иваныч, не смущай парня, – вмешалась Мария Михайловна. – В конце концов вы сюда не болтать приехали, а отдыхать. И статью свою вы потом обсуждать будете. Пусть лучше Глеб сходит на озеро искупается. Жара ведь какая. А Зоя его проводит, покажет дорогу на озеро, а может и сама искупается. Да, Зайка?

Молчавшая весь разговор Зойка сунула в рот очередную ягоду, вылезла из-за куста малины и нахмурилась, даже не пытаясь скрыть своё недовольство предложением матери.

– Ну, Зоя, будь другом, – попросил отец, и девочка сдалась.

– Ладно, Склифосовский, пошли, – смиловилась девица и направилась в сторону ворот.

Глеб был рад искупаться в этот знойный июльский день. Да и выслушивать дифирамбы в свою честь было непривычно и неуютно. Но и общество этой тринадцатилетней колочки не привлекало совсем. Он встал, одарив хозяев дачи благодарной улыбкой, и пошёл вслед за Зойкой.

Нагрузив гостя пакетом с полотенцами и подстилкой, Зоя бодро шагала по пыльной дороге между дачными участками.

– Пошли через поле, – заявила она, не оборачиваясь, – так короче будет.

Свернули на тропинку, ведущую в поле, заросшее диким травостоем. Трава была девочке по пояс. Знойный воздух дрожал и колыхался над пёстрым цветастым ковром. К сладким запахам цветов примешивался горьковатый аромат полыни. Над цветами деловито жужжали пчёлы, порхали бабочки. Высоко в выбеленном жарой небе заливался жаворонок.

Вдруг девочка резко остановилась и повернулась, так, что Глеб чуть не налетел на неё:

– Слышь, Склифосовский, ты зачем к нам припёрся на дачу? – спросила Зоя, зыркнув на него из-под нахмуренных бровей. Глеб растерялся. Не готов он был к столь откровенному проявлению неприязни со стороны юной хозяйки.

– Алексей Иваныч сказал же, чтобы статью с ним начать писать.

– Да плевать я хотела на вашу статью, – заявила Зойка, прожигая Глеба взглядом. – Отец обещал пойти со мной на рыбалку, а тут ты припёрся.

– Так давай вместе пойдём на рыбалку. Я правда удочку в руках ни разу не держал. Но ты ведь меня научишь? – дружелюбно улыбнулся Глеб.

– Ещё чего... учить тут всяких, – процедила сквозь зубы девчонка.

Но Глеб сдаваться не собирался. Уж слишком хорош был этот летний день, невообразимо уютен и гостеприимен дом Леденёвых, божественен обед несравненной Катерины Васильевны, чтобы какая-то мелкая колючка могла ему испортить настроение.

– Правда, Зой, я могу сказать Алексею Ивановичу, что тоже хочу порыбачить. А статьёй мы займёмся завтра.

Девчонка, точно рентген, просвечивала его недоверчивым и злым взглядом, словно пыталась определить, правду он говорит или врёт?

– Ты серьёзно, что ли удочку в руках никогда не держал? – и прищурила острые голубые глаза.

– Совершенно серьёзно.

– И где тебя такого убогого отец откопал? – фыркнула надменно.

– Ну, где откопал, там уже нет. Так мы идём купаться или нет, Зайка?

Профессорская дочка окатила Глеба таким презрительным взглядом, что впору было провалиться сквозь землю.

– Кому Зайка, а кому и Зоя Алексеевна!

– Ух ты! – не сдержался и захохотал Глеб. – Пардон, мадемуазель, Зоя Алексеевна, не соизволите ли продолжить наш путь к берегам прохладного озера? – Расшаркался перед слегка обалдевшей девицей в шутовском поклоне и добавил обычным тоном: – Пошли давай, наследница, пока мы тут от зноя не расплавились на солнцепёке. А то стоим, блин, как два пугала посреди поля, ворон пугаем.

Он коснулся рукой загорелого плеча девочки, разворачивая в нужном направлении, но она нервно дёрнулась и зашагала по тропинке вперёд. «Ну и Зайка! – сокрушённо подумал Глеб. – Чертополох какой то, а не ребёнок. Бедный Алексей Иванович!»

– Ты плавать то умеешь, Склифосовский? – бросила через плечо спутница и покосилась в его сторону.

– А тебе какая разница?

– Да вот что-то утопить тебя хочется, просто нестерпимо хочется.

– Остынь, Зойка, и переключись на что-нибудь хорошее. Вода прохладная, искупаемся, освежимся. А утопить меня не получится, даже не надейся. У меня первый разряд по плаванию.

– Ой, заливаешь, Склифосовский! – обернулась Зоя и скривила умильно-презрительную рожицу.

– Нет, не заливаю. Скоро убедишься. А почему ты меня Склифосовским называешь? Ты хоть знаешь, кто такой этот Склифосовский?

– Склифосовский Николай Васильевич – механическим голосом заправского зубрилы затараторила девчонка, – годы жизни 1836—1904— профессор, директор Императорского клинического института, автор трудов по военно-полевой хирургии и хирургии брюшной полости. Успешно сделал антисептику достоянием всей российской медицины. Внёс неоценимый вклад в науку.

Глеб даже присвистнул от удивления.

– Ну, ты даёшь, кнопка! А у тебя, оказывается, голова есть помимо вредности.

– Ещё раз назовёшь меня кнопкой – убью! – прошипела Зойка и сжала кулачки, будто была готова тут же броситься в драку.

– Спокойно, Зоя Алексеевна, – Глеб примирительно выставил руки раскрытыми ладонями вперёд. – Я искренне восхищён твоими познаниями. Но, раз Склифосовский был таким знаменитым учёным, то получается, что ты одарила меня комплиментом?

– Разбежался! – воскликнула девочка, но в голосе её послышались нотки растерянности.

– Ну, спасибо, ваше высочество, польщён, польщён, – юродствовал Глеб, давая себе возможность насладиться замешательством наследницы. «А не рой другому яму, – злорадно подумал он, – сама туда попадёшь!»

Из-за кустов, окаймляющих поле, заблестела водная гладь, послышались голоса купальщиков, плеск воды.

– Дошли, слава богу! – вздохнула Зойка, изрядно утомлённая перепалкой с ненавистным гостем и явно недовольная тем, что последнее слово осталось не за ней.

Круглый зрачок небольшого озера всматривался в высокое небо, по которому неспешно плыли редкие облака, да птицы вспарывали знойный воздух острыми крыльями. Песчаный пляж был заполнен отдыхающими дачниками. В воде у самого берега бултыхалась стайка ребятни детсадовского возраста, оглашая окрестности визгом и хохотом. Со всех сторон озеро окружал смешанный лес, оставляя лишь узкую жёлтую полоску на радость купальщикам. Высокие тёмные ели с остроконечными верхушками, как ресницы окружали голубое око воды. Тонкие стволы берёз трогательно белели на их фоне. Одинокая плакучая ива полоскала ветви в тёмной прохладной глубине.

Глеб бросил пакет с пляжными принадлежностями на свободном месте и стал раздеваться, предвкушая наслаждение от купания. Не успел он расстелить покрывало и сложить одежду аккуратной стопкой, как его спутница, издав дикий боевой клич индейцев апачей, пронеслась мимо в ярком цветастом купальнике и влетела в воду, подняв тучу брызг. Глеб усмехнулся и неспеша последовал за ней.

Прогретая солнцем вода ласково коснулась разгорячённой кожи. И от этого прикосновения раковина его памяти щёлкнула, и из тёмных глубин выкатилось перламутровой жемужиной редкое воспоминание детства: они с ребятами летом в детском лагере купаются в реке. Визг, крики, смех, плеск воды, летящие во все стороны хрустальными россыпями брызги, рокошущий бас воспитателя, требующего не заплывать далеко, бьющее в глаза солнце и переполняющая душу и тело радость...

Глеб медленно, словно смакуя приятные ощущения, погрузился в воду и поплыл, сильными гребками толкая себя к противоположному берегу. Солнце золотой каплей качалось над самой головой. Пролетела, на секунду зависнув над ним и шелестя жёсткими крыльшками, огромная лупоглазая стрекоза. На середине озера он перевернулся и, раскинув руки, лёг на спину, чувствуя, как его бережно покачивают мелкие волны. Июльское небо огромным голубым куполом накрыло его. Голоса и смех купальщиков отдалились, слились в неясный звуковой фон вместе с шёпотом листвы. «Вот он – рай!» – подумал Глеб и улыбнулся собственной мысли.

Вдруг сквозь всплески воды донёсся сдавленный крик: «Глеб!.. Помоги!». Парень встрепенулся, перевернулся на живот и закрутил головой, пытаясь высмотреть того, кто кричал. Сердце бухнулось о рёбра и застучало тревожно, едва он увидел тонкие детские руки, то взмывающие над поверхностью воды, то исчезающие в глубине. Светловолосая макушка Зойки странным мячиком то всплывала, то погружалась в воду. «Господи, она же тонет!» – мелькнуло в голове, и Глеб ринулся спасать. В два мощных гребка он подплыл к девочке и нырнул, потому что на поверхности воды уже не было видно ни светлой макушки, ни беспомощно бьющихся рук.

Он нырял и нырял, силясь рассмотреть в зеленоватой толще воды детскую фигурку в ярком купальнике. Но Зойки нигде не было. Всплыв на поверхность, он набирал в грудь побольше воздуха и снова нырял, отчаянно мечась из стороны в сторону. Лёгкие уже разрывало от боли, сердце стучало в ушах, в голове стоял монотонный гул, но все его усилия были напрасны.

Вынырнув в очередной раз, Глеб жадно хватал воздух ртом, пытаясь отдышаться, и вдруг совсем недалеко услышал весёлый смех.

– А ты и правда неплохо плаваешь, Склифосовский! – смеялась живая и здоровая Зойка, сидя на выступающем из воды камне. Мокрые волосы торчали в разные стороны, делая её похожей на взъерошенного птенца. По лицу блуждала издевательская улыбочка. – Ставлю пять

баллов. Могу даже рассказать отцу, как ты самоотверженно пытался меня спасти. Вдруг он вручит тебе медаль за спасение утопающих?

Глеб задохнулся от возмущения:

– Ах ты, колючка мелкая! Я ж и правда подумал, что ты тонешь. Убить тебя мало за такие шутки!

– Но-но, я попрошу! – и строго погрозила ему пальчиком.

Солнце зашло за тучу, неизвестно откуда взявшийся ветер поднял волну. А Глеб, бросив на малявку возмущённый взгляд, повернулся и поплыл к берегу, мстительно подумав, что ни за что не будет её спасать, даже если сию секунду озеро накроет девятый вал.

Глава 2

Пропавший ординатор

Сентябрь дарил последние по-летнему тёплые дни, словно осень с летом, прощаясь, всё никак не могли разомкнуть свои объятия. Но по утрам, несмотря на яркое солнце, косящее жёлтым глазом из-за крыш домов, воздух уже был зябким и звонким. Глеб повыше поднял воротник куртки и застегнул молнию до самого верха. Утренняя прохлада словно девичьими тонкими пальчиками коснулась шеи. Зато остатки сна вместе с выдыхаемыми лёгкими облачками пара, растаяли в один миг.

Подходя к дверям клиники, он уже весь был там, в наполненном деловитой суетой отделении кардиохирургии, уже предвкушал привычные, ставшие родными запахи лекарств, дезинфекции и больничной еды, уже внутренне улыбался приветливым лицам коллег и пациентов, уже слышал приглушённый голос учителя, объясняющего план операции.

– Астахов! Глеб! – донеслось откуда-то сбоку.

Глеб остановился и повернул голову. От припаркованной новенькой иномарки к нему шёл высокий, загорелый, модно одетый парень и широко улыбался. Лицо его картинно-красивое (такие обычно нравятся девочкам-тинейджеркам) показалось смутно знакомым.

– Да, это я.

– Привет! – парень протянул руку. – А я Сева Ярцев. Помнишь меня? Мы учились на одном курсе, только ты на первом потоке, а я на втором.

– Помню, конечно, – кивнул Глеб, пожимая протянутую руку и вспоминая однокурсника, вечно окружённого стайкой хохочущих студенток. Кажется, специализацию по хирургии они тоже получали вместе.

– Ты же в ординатуре на кафедре у Леденёва учишься?

– Да.

– Я тоже.

Глеб удивленно приподнял брови.

– Так ты тот самый второй ординатор, который пропал, не успев появиться на кафедре?

– Тут такое дело вышло, – парень слегка смутился и перестал улыбаться. – Короче, дружище, мне нужна твоя помощь. Я после окончания, после всех этих госэкзаменов укатил с друзьями в Грецию на целый месяц. Надо ж было отдохнуть и оторваться за все годы немилосердной муштры и зубрёжки! Ну, а когда вернулся, маман закатила истерику: совсем забыл родителей! Они в меня всю душу вложили, а я, неблагоприятная скотина... В общем, чтобы утешить предков, пришлось согласиться на совместный отдых в Испании. Две недели поджаривался на пляжах Аликанте, выслушивая нравоучения и напутствия к самостоятельной жизни. Вот только вчера вернулись.

– Понятно... – протянул Глеб.

– Как думаешь, Старик меня сразу убьёт или сначала помучает? – в серых глазах Ярцева мелькнула тревога.

– Ну, не такой уж и кровожадный наш Старик, – усмехнулся Глеб. – Я почти уверен, что он забыл о твоём существовании. По крайней мере вопрос: «А где у нас второй ординатор?» прозвучал всего один раз первого сентября на общем собрании кафедры. А потом всё так закрутилось...

Сева воспрыл духом. Он, конечно, слегка приврал, изображая из себя послушного сына. На самом деле не с мамой и папой он загорал на Испанских пляжах, а с очень красивой гречанкой, с которой познакомился в Греции чуть раньше, да не смог сразу расстаться. Захоте-

лось продолжения банкета. Они и продолжили, пока Сева не спустил все имеющиеся у него деньги...

– Тогда пошли вместе к Леденёву. Подстрахуешь меня, если что. Я совру, что заболел или бабушка у меня при смерти...

– Вот врать не советую! – Глеб строго сдвинул брови. – У Старика нюх на ложь и враньё. Он этого не любит. Так что лучше просто извинись!

Спустя пятнадцать минут облачённые в белые медицинские халаты, оба ординатора стояли в кабинете перед профессором. Алексей Иванович с интересом рассматривал новобранца, которого ему навязали сверху. Сынок какого-то важного чиновника от медицины. Профессор попытался вспомнить его на своих лекциях, но не вспомнил. Впрочем, не мудрено, студентов было много, всех не упомнишь. Это только такие как Астахов сидели на первом ряду и ловили каждое его слово. Основная масса шушукалась на галёрке.

– Ну-с, Всеволод Борисович, с первым рабочим днём вас! Начнём с этого. – И вручил обалдевшему Севе толстую пачку историй болезни. – Прошу ознакомиться с этими пациентами. Завтра жду от вас доклад по каждому с планом лечения.

Леденёв повернулся к Глебу:

– А вас, Глеб Александрович, прошу в операционную. Сегодня у нас плановая коронарография со стентированием.

И ушёл, не прикрыв за собой дверь. Сева, взвешивая в руках пачку историй, тихонько присвистнул.

– Ни фиги себе пачечка!..

– Ну что ты, Сева, это примерно половина от обычного объёма. Просто Старик тебя жалеет, даёт возможность после отпуска настроиться на работу. Я через это уже прошёл. Давай, изучай, знакомься с каждым больным и запоминай все мелочи, все детали. Алексей Иванович устроит тебе завтра допрос с пристрастием. Он любит чёткость и ясность.

– А тебя уже на операции берут? – спросил Сева в спину удаляющегося однокашника.

– И тебя возьмут, когда всех больных на зубок будешь знать. Удачи, дружище! – и вскинул в ободряющем жесте сжатый кулак.

Сева обреченно вздохнул и пошёл в палату к больным.

За окнами операционной шёл мокрый снег. Белые комочки прилипали к стеклу и расплазались прозрачными неровными кляксами. Голые кроны тополей жалобно тянули к серому низкому небу дрожащие на ветру ветви. Профессор Леденёв удовлетворенно кивнул и отошёл от операционного стола, стягивая с рук перчатки.

– Вот и всё, друзья мои, операция закончена.

Два ординатора, облачённые в хирургические костюмы, как нитки за иглой, потянулись за своим учителем в предоперационную.

– Ну-с, Глеб Александрович, – торжественно произнес Старик, снимая маску и операционный халат, – с первой вас самостоятельной коронарографией. Как видишь, Глеб, манипуляция не самая сложная. Но тут важна ювелирная точность движений.

Он склонился над раковиной, сунув руки с широкими крепкими ладонями под струю воды. Глеб с Севой разделись, оставшись в одинаковых зелёных хирургических робах и шапочках.

– Спасибо, Алексей Иванович, – ответил Глеб.

– Алексей Иванович, а когда мне можно будет попробовать сделать коронарографию? – Ярцев несколько бесцеремонно отодвинул плечом своего напарника и протиснулся к раковине поближе к профессору.

– Да как только перестанешь путаться в коронарных артериях, Сева, так и можно будет, – ответил профессор. – Подучи анатомию то, подучи, не ленись.

– Я не ленюсь, Алексей Иванович, – пробурчал обиженно ординатор.

Наставник вытер руки и снял с вешалки свой халат, в котором обычно ходил по отделению.

– Пойдёмте-ка, мальчики, попьём чайку, да поговорим о том, о сём.

Профессор любил собирать вокруг себя учеников и, как казалось Севе, по-стариковски занудно погружаться в бесконечные воспоминания. Алексей Иванович словно открывал перед слушателями сундук своей памяти, сундук с сокровищами, и одно за другим, как драгоценные ожерелья или нитки жемчуга, извлекал на свет божий случаи из своей практики, давние или недавние, курьёзные и смешные, сложные и трагические. Он рассказывал с умыслом, лелея в глубине души надежду, что молодёжь почерпнёт для себя пользу из его жизненного и профессионального опыта, что им в своей практике будет легче, когда столкнутся с чем-то подобным.

За Леденёвым закрылась дверь, ведущая в коридор, а Ярцев зашептал прямо в ухо Глебу:

– Знаем мы эти разговоры о том, о сём! Заведётся часа на два, не остановишь... А у меня сегодня свидание, между прочим. Ах, Глеб, какую красотку я подцепил! – и поцокал языком, театрально закатив глаза. Глеб снисходительно улыбнулся.

– Придумай что-нибудь, чтобы я мог улизнуть с этого традиционного чаепития, – Сева заискивающе посмотрел на напарника.

– Я? – Глеб уставился на товарища. – Это я должен придумывать для тебя отмазку? Смеёшься что ли, Сева?

– Да мне как раз не до смеха. У меня, можно сказать, личная жизнь под угрозой.

– Так и скажи профессору.

Вымыв руки и не надевая халат, Глеб отправился следом за учителем, демонстрируя искреннее желание выслушивать стариковские наставления до глубокой ночи. Наступая ему на пятки, сзади тащился Сева, нащёптывая на ухо:

– Он же Старик! Он давно уже забыл, что такое молодость. Кроме своей хирургии ничего не видит, фанатик упёртый.

– Сев, на хрена ты пошёл в ординатуру? – Глеб остановился и насмешливо покосился на напарника. – Устроился бы в какой-нибудь частный медицинский центр и сшибал бы бабло с наивных пациентов.

– Это вряд ли, – покачал головой Сева, – нынче уже нет наивных и доверчивых пациентов. Никто не хочет просто так расставаться со своими деньгами. Им лапши, повешенной на уши, недостаточно. Им подавай опытного, заслуженного доктора со всякими регалиями. А у меня, впрочем, как и у тебя, Астахов, кроме диплома ничего пока нет. Так что без ординатуры карьеру не построишь.

– Согласен с тобой, – кивнул Глеб. – Тогда, увы, придётся выбирать между карьерой и личной жизнью.

Ярцев смерил испытующим взглядом своего товарища, а тот повернулся и пошёл дальше по коридору. Мимо них, грохоча каталкой, санитары провезли больного из оперблока в реанимацию. Сева помнил Астахова ещё студентом младших курсов. Он бы счёл его обычным зубрилой и ботаником, если бы Глеб не оказался таким открытым и общительным. Курс у них был большой, несколько сотен человек, а Глеба Астахова все знали, но не только как участника КВН-овской команды универа, но и как ходячую медицинскую энциклопедию. Если у кого-либо возникал вопрос по учёбе, ответ на который не находился ни в учебниках, ни в конспектах лекций, то надо было идти к Астахову, который всё знал. Астаховское рвение раздражало Севу, но в глубине души он понимал, что головастому парнишке-сироте, не имеющему «большой волосатой лапы», способной протолкнуть его в жизни, надеяться было не на кого и не на что, только на собственный ум и пробивные способности. Вот и старается, понял Сева, увивается вокруг лучшего в городе профессора-кардиохирурга, жертвуя личной жизнью.

– Слушай, Глеб, а у тебя девушка-то есть? – поинтересовался Сева, криво ухмыльнувшись в спину собеседнику. Не смог он удержаться и не подколоть товарища.

– Нет.

– Это плохо. Разве ты не знаешь, что регулярная половая жизнь полезна для здоровья. Это вам на урологии не объясняли? Или ты в монахи записался?

У дверей профессорского кабинета Глеб остановился и устало вздохнул.

– Я не записался в монахи, я записался в кардиохирурги, поэтому пока мне не до девушек.

Сева хотел сказать ещё что-нибудь, но Астахов распахнул дверь и вошёл в кабинет. «Ещё один фанатик выискался» – мысленно заключил Сева и шагнул следом.

Профессор уже сидел за столом, заваленном бумагами, а в углу на тумбочке закипал электрический чайник.

– Садитесь, ребятки! – приветливым жестом Старик указал на небольшой диванчик под окном кабинета. Оба ординатора сели, в ожидании глядя на своего шефа.

– Всеволод, будь добр, налей нам всем чайку. Вон на столике вазочка с печеньем стоит, да коробка конфет. Это мне больные «взятку» дали.

Сева нехотя поднялся с дивана, мысленно проклиная манеру Старика превращать его в прислугу (какого чёрта опять он, а не Астахов разливает чай?!), достал пару кружек и профессорский стакан в древнем, ещё советских времён, мельхиоровом подстаканнике. Об этом подстаканнике ходила легенда, что он, как переходящий вымпел, передавался из поколения в поколение в семье Леденёвых, где водились исключительно хирурги, да не простые, а учёные с мировым именем. Сунув в кружки заварные пакетики с чаем и разлив кипяток, он вдруг хлопнул по карману и вытащил мобильник.

– Да, мама? – произнес он встревоженно, прижав телефон к уху. – Что случилось?.. Трубу в ванне прорвало? А аварийную ты вызвала?.. Хорошо, я сейчас же приеду, не волнуйся!

Он убрал мобильник обратно в карман и с виноватым видом посмотрел на профессора.

– Алексей Иванович, простите пожалуйста, но мне срочно надо ехать к родителям. Трубу в кухне, как назло, прорвало. Отец в командировке. А мама у меня ужасно переживает в таких ситуациях. Разволнуется, давление подскочит. Можно я пойду?

– Конечно, Сева, иди, – легко согласился Леденёв и даже ласково улыбнулся вслед убегающему ординатору.

Дверь за Ярцевым закрылась. Профессор повернулся к Глебу. Тот поставил перед ним стакан с чаем и блюдец с печеньем, а сам сел на диван.

– Ну что, Глебушка, пусть наш друг Всеволод спешит на свидание, или «прорыв трубы», как это у него называется, а мы с тобой побеседуем о важном. Побеседуем?

Глеб улыбнулся проницательности Старика (всем ясно, какую трубу у Севки прорвало!) и кивнул, беря в руки кружку с чаем.

Они вышли из клиники, когда уже совсем стемнело, но и ветер стих, перестал хлестать мокрым снегом прячущихся под зонтами прохожих. Знобкий воздух был пропитан сыростью.

– Алексей Иванович, можно я вас провожу до дома? – спросил Глеб, засовывая руки в карманы куртки и поёживаясь от холода. Профессор жил за парком, совсем недалеко от клиники.

– Ну, провожать ты свою барышню будешь, друг мой. А мы с тобой просто прогуляемся до моего дома. Благо все дорожки в парке освещены. А потом зайдём к нам поужинаем.

– Что вы, Алексей Иванович, неудобно! – воскликнул Глеб, немного испугавшись предложения шефа. Ему просто хотелось продлить удовольствие от душевной беседы со Стариком. А выходило, что напросился в гости, да ещё и на ужин.

– Что ж тут неудобного? Ты же живёшь один? Один. Мама тебе котлеты не жарит, пироги не печёт?

– Не печёт, – помотал головой Глеб, соглашаясь.

– Вот. А Катерина Васильевна наша печёт. Так что пойдём есть Катины пироги. И не возражай, Глеб, не спорь со старшими!

Глебу очень нравился тёплый, гостеприимный дом Леденёвых. Он готов был часами слушать интересные, весёлые, пересыпаемые шутками и остротами разговоры за общим столом, истории из клинической практики не только самого профессора, но и его супруги, тоже преподававшей в университете, только на терапевтической кафедре. За волшебную стряпню Катерины Васильевны вообще можно было продать душу. А запах книжной пыли и типографской краски в огромной профессорской библиотеке казался ему лучшим запахом в мире. Он мог бы прожить целый год, никуда не выходя из большой просторной комнаты от пола до четырёхметрового потолка заполненной старыми, зачитанными фолиантами, бережно хранимыми уже несколько поколений в этой замечательной семье. И предложение профессора было лестным, если бы не одно «но» – Зойка.

Глеб терпеть не мог эту вредную девицу. А та отвечала ему полной взаимностью и не упускала случая, чтобы не сказать какую-нибудь колкость. А язычок у неё был ох какой острый! Глеб никогда и сам не лез за словом в карман, но откровенно хамить дочери профессора, которого он любил и уважал, просто не мог. Глотая очередную издёвку, он думал про себя: «отвесить бы тебе, Зайка, хорошего подзатыльника, авось прикусила бы свой язычок!»

– Спасибо, Алексей Иванович, но, боюсь, моё появление испортит настроение Зое.

Профессор вздохнул.

– Да, Зайка у нас не простой человек, но добрый и искренний. Понимаешь, возраст у неё сейчас трудный, а характер импульсивный. Ты, Глеб, не обращай внимания. С возрастом это пройдёт.

– А почему вы её называете Зайкой? – поинтересовался Глеб, беря профессора под локоть и увлекая на парковую дорожку, слабо освещённую тусклыми фонарями. – Она, скорее, на ежа похожа, чем на мягкого пушистого зайчика.

– А это она сама себя так назвала в детстве. Маленькая она была презабавная! Помню, стоит как-то у зеркала, крошка ещё совсем, смотрит на себя, любит, улыбается собственному отражению и говорит не «Зоя моя», а «Зая моя». Так и прицепилось прозвище.

Алексей Иванович остановился, посмотрел вверх на перекрестья голых ветвей над головой, втянул носом пропитанный влагой и запахами прелых листьев воздух. В отсветах фонарного света лицо его казалось постаревшим и очень усталым.

– Ты не обижайся на неё, Глебушка. Девочке не хватает родительского внимания, вот она и вредничает. Просто будь выше этого. Помни, что она ещё ребёнок.

«Ремня ей не хватает!» – мог бы сказать Глеб, но промолчал. Кто он такой, чтобы вмешиваться в воспитательный процесс чужого ребёнка?

Они медленно шли по пустынной аллее, меряя шагами жёлтые пятна фонарного света, чередующиеся с неосвещёнными участками, словно шли по шахматной доске.

– Ты только начинаешь свой путь в медицине, – вернулся профессор к теме, начатой ещё в его кабинете, – и я очень хочу, чтобы ты понял одну важную, даже основополагающую истину: медицина как сфера милосердия, не может быть коммерчески выгодной. И то, что происходит сейчас – это ошибка! Рано или поздно те, кто управляют процессами в нашей стране, поймут, что нельзя превращать заботу о здоровье граждан в сферу услуг и источник прибыли. Получение прибыли вообще не может лежать в основе принципов организации здравоохранения. Если базироваться на этом ложном постулате, то продление жизни какого-нибудь восьмидесятилетнего старика вообще не имеет смысла. Какая экономическая выгода от этого старика? А если забыть о выгоде, то тут же оказывается, что это чей-то родной человек, отец, дедушка, прадедушка, которого любят и жалеют, наблюдать чьи физические страдания нет никаких сил и можно отдать последнее, лишь бы он не болел и побыл со своими родными ещё

хоть чуть-чуть. Бессмысленно тратить огромные средства на лечение и реабилитацию инвалидов, пытаться помогать детям, рождённым с тяжёлыми генетическими недугами.

Профессор бросил взгляд на своего спутника. В скупом свете фонарей лицо молодого человека казалось тоньше и одухотворённее. Умные тёмные глаза смотрели так, что казалось, каждое слово, как капля влаги падала на вспаханный чернозём души, и в глубине уже прорастали тонкие корни, уже тянулись к свету новые ростки принципов и убеждений. Хороший, ох, хороший парень ему попался! Есть всё-таки Бог на свете: сына родного не дал, зато ученика послал необыкновенного.

– Кто такие медики, Глеб, если подумать, особенно мы – хирурги? – задал вопрос профессор и тут же сам ответил на него: – Подмастерья Бога, друг мой. Господь в щедрости своей наделил нас правом подстраховывать, исправлять ошибки, допущенные природой. Ну, например, врождённые пороки. Пospешил Бог или отвлёкся, не уследил и что-то пошло не так, родился человек с дырой в сердечной перегородке. Умрёт ведь с таким сердцем, не вытянет жизненные нагрузки. А тут мы с тобой нашими умелыми руками возьмём и поставим заплатку на эту дыру, и проживёт наш человек долгую и интересную жизнь, может сделает что-нибудь важное для всего человечества. Представляешь, какие мы с тобой счастливики, Глеб! А акушеры, которые первыми принимают в свои руки новую человеческую жизнь? Быть причастными к чуду творения, беречь его и хранить – вот счастье и великая ответственность врача. И не можем, не имеем мы права переводить его в доллары, евро или рубли. Ибо жизнь бесценна сама по себе! Людей, особенно больных людей, надо просто любить и помогать им всеми силами и возможностями, данными тебе Создателем, не думая о личной выгоде.

Они медленно шли по дорожке парка, и тёмные громады деревьев окружали их со всех сторон, вслушиваясь в тихую беседу учителя и ученика.

– Всё правильно, Алексей Иванович, – кивнул Глеб, – да только в медицине без денег никак. Вон каких безумных деньжищ стоит техника! Один ультразвуковой аппарат, как однокомнатная квартира в Питере. Как говорит Сева Ярцев, денег много не бывает.

– Согласен с господином Ярцевым! – ответил профессор. – Если человек попал в плен к Мамоне, если впустил в свою душу демона сребролюбия – пиши пропало! Сколько бы денег у него не было, всё будет мало. Всегда захочется ещё. Всегда найдется тот, кто богаче, у кого больше, у кого шикарнее. И этой безумной гонке не будет конца. А ведь заканчивается жизнь у всех одинаково. И ТУДА не возьмёшь с собой ни копейки.

– «Кошелёк к гробу не прибьёшь!», как говаривал один мудрый человек из моего детства, – усмехнулся Глеб.

– Даже если прибьёшь, то на границе конфискуют как контрабанду! – Алексей Иванович перешёл на шуточный тон. – Но ты, Глебушка, человек с чистой душой. За тебя я спокоен. Только не водись с такими как Ярцев. Гнилой он изнутри, это я своим опытным глазом вижу. О, вот мы и домой пришли.

Сквозь путаницу голых ветвей замелькали огоньки, жёлтым светом окон манившие путников к себе, в тепло и уют. У дверей подъезда Глеб замялся, ковыряя носком ботинка выбоину в асфальте.

– Я, Алексей Иванович, наверное, всё-таки откажусь от вашего предложения. Завтра рано вставать, да и мешать вам не хочется.

Леденёв решительно взял его под руку и силой потащил в подъезд.

– Ты никому не мешаешь, Глеб! Прекрати эти глупости говорить! Катя каждый день спрашивает, когда ты к нам придёшь. Машенька к тебе как к сыну относится. Пошли, пошли, отказ не принимается!

Они поднялись по старинной лестнице с полустёртыми ступенями на третий этаж и остановились возле высокой, морёного дуба, двери квартиры. Дом был ровесником первых университетских клиник, ему перевалило уже за полтора века. Несколько таких домов архитекторы

сразу построили для профессорско-преподавательского состава. Предки Алексея Ивановича с радостью и гордостью обживали эти просторные комнаты с высоченными потолками, украшенными лепниной. Но дом давно состарился и напрашивался на капитальный ремонт, которого ждали уже много лет. И который, как линия горизонта, звал, манил, казалось, только руку протяни, но... оставался недостижимой мечтой. Двери между комнатами скрипели проржавевшими петлями и плохо закрывались, старые дубовые паркетины пели хором арии из разных опер, едва нога ступала на них, лепнина во многих местах обвалилась...

Открыв дверь, профессор впихнул упирающегося гостя в коридор.

– Раздевайся, проходи, – приказал Старик, стаскивая со своей высокой грузной фигуры пальто.

Из кухни высунулась Катерина Васильевна и, увидев Глеба, расцвела приветливой улыбкой.

– О, Глебушка, как хорошо, что ты зашёл! У меня сегодня такой расстегай получился – пальчики оближешь! Иди мой руки и за стол.

Хлебосольную Катерину Васильевну не убеждали доводы Алексея Ивановича, что ученик у него худой от природы, а вовсе не от хронического голодания. И она постоянно пыталась подкормить симпатичного скромного паренька, через пищу стараясь передать своё душевное тепло. Не сумевшая обзавестись собственной семьёй, Катерина Васильевна всю свою нерастраченную нежность и материнскую заботу отдавала семье двоюродного брата, а теперь вот и его любимому ученику.

Глеб благодарно улыбнулся, повесил куртку на вешалку и прошёл в ванную комнату.

Он мыл руки в раковине, вода шумела, поэтому не услышал, как открылась выкрашенная белой масляной краской дверь, и в ванную заглянула Зоя.

– О, привет, нахлебник! – хмыкнула она ядовито, сверля гостя взглядом. – Опять пожрать припёрся?

Глеб тяжело вздохнул, встретившись в зеркале глазами с маленькой злючкой. Захотелось немедленно уйти, исчезнуть незаметно, неслышно. Но он остался, и вовсе не потому, что из кухни доносились потрясающе аппетитные запахи, а ему очень хотелось есть. Просто все в этой семье давно плясали под дудку этой вредины, а значит, поддаваться было нельзя.

– Знаешь кто ты, Зойка? – спросил он, постаравшись улыбнуться как можно шире и непринуждённое.

– Кто?

– Язва ты пенетрирующая!

– Какая язва?..

Тень растерянности в голубых глазах девчонки была бальзамом на душу Глеба. Он тщательно вытер руки полотенцем и пошёл в столовую, небрежно бросив через плечо увязавшейся за ним пигалице:

– А ты загляни в медицинскую энциклопедию, вот и узнаешь.

Глава 3

Нестандартные методы воспитания трудных подростков

Прошло два года. Астахов благополучно закончил ординатуру и поступил сразу в аспирантуру, оставшись на той же кафедре под руководством профессора Леденёва. Как ни странно, тем же путём шёл и Сева Ярцев. Он немного остепенился, взялся за ум, забросив студенческую привычку сматывать с лекции при первой возможности и нестись в кино с очередной девицей, а потом сразу в койку. Сева начал носить костюмы с галстуком и довольно улыбался, когда к нему обращались Всеволод Борисович. С Глебом они не то, что дружили, но общая работа и общее студенческое прошлое объединяли накрепко, словно они были братьями-погодками из большой семьи.

К несчастью, за год до этого умерла Мария Михайловна, супруга профессора Леденёва. Слишком долго она не жаловалась никому на плохое самочувствие, слишком долго не шла обследоваться. А когда обследование всё-таки было проведено, помочь ей уже никто не мог. Так и сгорела Машенька Леденёва за несколько месяцев.

Старик за это время превратился в настоящего старика, стал совсем седым и как-то сгорбился, словно идти по жизни с гордо поднятой головой сил уже не было. Глеб, чувствуя душевную боль любимого учителя, старался почаще заходить к тому домой, отвлекал от тяжёлых мыслей всякими научными медицинскими беседами, вместе с ним задерживался на работе. Алексея Ивановича спасали больные, которым ещё можно было помочь. И профессор отдавал все свои силы, умения и знания, помогая им.

А вот с Зойкой после смерти матери стало совсем трудно. За чашкой чая после тяжелой операции профессор, как близкому другу, жаловался любимому ученику, что девочка совершенно отбилась от рук, ходит в каких-то нелепых одеждах, с вызывающим жутким макияжем, красит волосы то в синий, то в красный цвет, стала плохо учиться, а разговаривать с ней по-человечески совсем не получается.

– Представляешь, Глеб, – жаловался Алексей Иванович, устало откинувшись на спинку кресла в своём кабинете и прихлёбывая чай из стакана в легендарном подстаканнике, – мне на днях позвонила Зайкина учительница, попросила в школу зайти. А я к стыду своему даже адреса школы не знаю. Я же никогда этим не интересовался, некогда было. Маша и в школу её водила, когда Зоя была маленькой, и на всякие кружки, и к репетиторам. Они с Катей старались меня не обременять. А теперь девочка уже выросла, сама со всем справляется. Да вот только справляется не так, как надо. Я с трудом нашёл эту школу, пришёл к учительнице. И выяснилось, что Зоя часто уроки прогуливает, успеваемость резко упала. Я так расстроился! Даже давление подскочило... – вздохнул профессор. – Пытался с ней поговорить, убедить взяться за ум. Смотрю в её глаза, а там – стена, ни единого движения души не видно. О чём она думает? Что её тревожит, беспокоит? И ведь ясно, что тяжело переживает потерю самого близкого человека. Поговорила бы, поплакалась в жилетку родного отца, так ведь нет. Молчит, замкнулась в себе. Не знаю, что и делать, Глебушка...

– Хотите я с ней поговорю, – предложил Глеб совершенно искренне. – Она хоть меня и терпеть не может, но по возрасту я ей как старший брат. Вы меня, конечно, извините, Алексей Иванович, но иногда бывает полезно накостылять как следует, чтобы мозги на место встали. А вы с ней деликатничаете...

– Что ты, Глебушка, я никогда голос повысвить на ребёнка не мог, не то, что руку поднять!

– А зря! Рывкнули бы пару раз, так может и руку поднимать не пришлось. Избалованная она у вас очень. Не привыкла ни о ком думать, кроме себя.

Старик сокрушённо вздохнул, кивая седой головой.

– Ты прав, Глеб, прав. Но ведь Зоя родилась, когда мне уже под пятьдесят было. Такой долгожданный подарок судьбы! Я так её люблю, что от одного взгляда на мою Заиньку сердце сладко сжимается. Не могу я её ругать, хоть убей, не могу.

– Хотите, я её поругаю? Уж я постараюсь найти убедительные слова. – Для подтверждения серьёзных намерений Глеб сжал руку в кулак и продемонстрировал Алексею Ивановичу. – А рукоприкладства не бойтесь. Я ж не зверь, чтобы бить ребёнка. Хотя она так вымахала за последний год, что ребёнком её назвать трудно.

– Что ты, Глеб, не надо. Душа подростка такая тонкая, ранимая, что можно только хуже сделать. Лучше не вмешивайся.

Однажды в самом конце операции Алексей Иванович вдруг заявил:

– Заканчивай сам, Глеб. А я пойду, устал что-то.

– Сам? – Глеб с тревогой посмотрел на учителя. Тот выглядел бесконечно уставшим, а на лбу под медицинской шапочкой высыпали мелкие бисеринки пота.

– Конечно, сам. Пора уже привыкать к самостоятельности, Глеб. Тем более, что осталось совсем немного, – и вышел из операционной.

Завершив операцию, Глеб быстро вымыл руки, сбросил халат и отправился в кабинет профессора. В душе шевелилось недоброе предчувствие.

Леденёв разговаривал по телефону. И то, что разговор неприятный, стало сразу понятно по выражению лица профессора, по интонации его голоса.

– Как в полиции?.. С ней всё в порядке?.. Да, да, конечно, я сейчас приеду, обязательно приеду... – Леденёв опустил трубку телефона и обессиленно откинулся на спинку кресла, одной рукой оттягивая узел галстука.

– Что случилось, Алексей Иванович? – встревожился Глеб.

– Зою полиция арестовала. Оказывается, они с ребятами пытались кататься на крышах товарных вагонов... Но ведь это же опасно, очень опасно! Разве она не понимает?

«Ничего она не понимает, эгоистка маленькая!» – хотелось крикнуть Глебу, но он сдержался и только хмыкнул:

– В зацеперы что ли решила податься наша Зойка? – И тут же добавил, заметив мертвенную бледность, разливающуюся по щекам учителя: – Вы не волнуйтесь, Алексей Иванович, раз Зоя в полиции, то значит с ней всё в порядке, жива и здорова. Ничего, посидит немного в «обезьяннике», ей даже полезно.

– Где?.. – растерянно переспросил профессор.

– В «обезьяннике».. Ну, место в полиции, куда помещают задержанных. На клетку похоже.

– А ты откуда знаешь?

– Алексей Иванович, я вовсе не был пай-мальчиком, и моя студенческая молодость протекала весьма бурно. Однажды пришлось побывать в этом не самом приятном месте.

– За что? – Старик был явно потрясён услышанным.

– За драку. Подрался с одним идиотом из-за девушки. С тех пор предпочитаю все спорные вопросы решать миром, а от девушек держаться подальше. Вы главное не переживайте, а то давление повысится. Сейчас мы с вами вместе поедem в полицию и вернём Зойку домой.

– Да, да, Глебушка, – воспрял духом Леденёв, – поехали. Мне твоя помощь сейчас очень нужна. Я ж за всю жизнь в полиции ни разу не был.

Профессор засуетился, собираясь в дорогу.

– В какое отделение нам ехать? – спросил Глеб.

– На Финляндском вокзале.

В отделении полиции Алексей Иванович мгновенно превратился из строго профессора – грозы нерадивых студентов, в жалобно блеющего папашу, пытающегося убедить мордастого полицейского с капитанскими погонами, что Зоя – настоящий ангел, держать которого в клетке – преступление. «Ну да, конечно, – подумал Глеб, – именно потому, что ангел, Зойка и полезла на крышу вагона, поближе к небу!»

Полицейский хмурился и возражал, приводя факты безобразного поведения подростков. Видеть, как унижается учитель было выше всяких сил, и Глеб не выдержал. Потеряв терпение, он не слишком вежливо отстранил потрясенного отца и взял все переговоры на себя.

– Вы пока вот тут посидите, Алексей Иванович, – и усадил того на скамейку в углу, – а я всё сам решу.

Через пять минут, убедив капитана, что он сводный брат проштрафившейся девицы и выслушав небольшую лекцию на тему воспитания трудных подростков, Глеб был допущен к «обезьяннику», в котором скучала компания юных идиотов, ожидающих своих разгневанных родителей.

– Леденёва, на выход! – скомандовал капитан и звякнул ключами в замке, распахивая решётчатую дверь.

Виновница торжества в заляпанных грязью джинсах и чёрном балахоне с каким-то жутким рисунком на груди с гордо поднятой головой вышла в коридор. На голове этой красовались синие, зелёные и кислотно-розовые пряди, пухлые губы, покрытые чёрной помадой, демонстративно чавкали жвачкой, глаза казались пронзительно голубыми на фоне жирных чёрных линий, окаймлявших веки.

– А ты чего здесь делаешь, Склифосовский? – приподняла Зойка подведённую карандашом бровь.

– Тебя из застенка вызволяю. Прошу домой, Зоя Алексеевна, карета подана, – еле сдерживая кипящую внутри злость, Глеб склонился в издевательском поклоне и повёл рукой в сторону выхода. Девица фыркнула и пошла по коридору, нахально раскачивая бедрами.

Ей навстречу вскочил со скамейки встревоженный отец и стиснул дочь в объятиях.

– Девочка моя, Зоенька, – шептал он, чуть не плача. Глеб от этой сцены только сжал кулаки.

– Пойдёмте Алексей Иванович, Зоя, нас такси уже ждёт.

Девица шла впереди всем своим видом излучая самоуверенность и нахальство, а также полное отсутствие раскаяния. В такси Глеб первым усадил разволновавшегося профессора. Пока тот устраивался в кресле рядом с водителем, Зойка стрельнула в Глеба острым взглядом и сказала:

– Эй, Склифосовский, дай прикурить!

– Я тебе сейчас ремня дам, а не прикурить! – процедил сквозь сжатые зубы Глеб.

– Ой, уже испугалась! – Зойка фыркнула и уселась на заднее сиденье. Глеб сел рядом.

Пока такси выруливало на проезжую часть, Алексей Иванович повернулся к вызволенному из неволи чаду и залепетал хриплым от пережитых эмоций голосом:

– Ну, как же так, Зая? Ведь ты же умная девочка. Ты не можешь не понимать, что это опасно, очень опасно. Что на тебя нашло, можешь мне объяснить?

Девчонка только открыла рот, чтобы сказать очередную колкость, но Глеб молча показал ей угрожающе сжатый кулак, предусмотрительно пряча его от глаз профессора. И она промолчала, демонстративно отвернувшись к окну.

– Алексей Иванович, всё хорошо, все живы и здоровы, – успокоил шефа Глеб. – Давайте теперь до дома доедем, а там поговорим.

Когда подъехали к дому, Леденёв был бледен, как смерть, и тяжело дышал. С трудом выбравшись из машины, он остановился возле подъезда и стал распускать узел галстука, мешавший дышать полной грудью. Зойка пулей пролетела мимо и понеслась домой.

– Вам нехорошо? – встревожился Глеб.

– Да что-то голова болит и дышать трудно, – пожаловался профессор.

Глеб, бережно поддерживая Старика под локоть, помог ему подняться на третий этаж, останавливаясь после каждого лестничного пролета и отдыхая.

Едва войдя в квартиру, Глеб бросил вышедшей встречать брата Катерине Васильевне:

– Отведите Алексея Ивановича и уложите в постель, пожалуйста. Надо давление измерить.

– А что случилось то? – растерянно хлопала глазами за стёклами круглых очков добрая волшебница.

– А это вам Зоя объяснит.

Но Зойка никому ничего объяснять не стала, а ушла в свою комнату и врубила на полную мощь музыку. Глеб измерил давление Старика и тут же стал вызывать «неотложку». Стрелка старенького тонометра показывала двести шестьдесят, когда послышались первые, глухие удары сердца. Тревожные звуки затихли на отметке сто двадцать...

Бригада врачей приехала минут через десять. Алексею Ивановичу сделали несколько уколов, расписали рекомендации по лечению, а когда давление начало спадать, уехали. Глеб всё это время просидел рядом с постелью, ни на шаг не отходя от учителя. И лишь когда тот задремал под влиянием успокоительных и просто устав от пережитого, тихо вышел из комнаты.

– А где Зоя? – заглянул Глеб на кухню.

– Музыку свою слушает, – тяжело вздохнула возившаяся у плиты Катерина Васильевна. На лице её читалось беспомощное смирение. Никто, решительно никто в этом доме не мог справиться с маленькой возмутительницей спокойствия.

– Кажется пришло время серьёзно поговорить с этой меломанкой, – сказал Глеб и пошёл в комнату девчонки.

Зоя, продолжая чавкать жвачкой, покачивалась, сидя на подлокотнике дивана, дёрнула ногой в такт бодрой мелодии и даже, кажется, подпевала. «А ей как с гуся вода!» – подумал Глеб и почувствовал, как вскипает в душе едва притихшая злость.

– Музыку выключи!

– Чё?.. – и недоуменный взгляд из-под вскинутых бровей.

– Я сказал музыку выруби! – Глеб повысил голос.

Но наглая девица и ухом не повела. Пришлось подойти и самому нажать на кнопку музыкального центра. Жалобно взыв на последних нотах, музыка стихла.

– И чё?..

– Ни чё! – Глеб, мысленно уговаривая себя не кипятиться, склонился над девчонкой, опираясь рукой о спинку дивана. Та вызывающе вздёрнула подбородок. – Зой, ты понимаешь, что из-за твоей дикой выходки могла случиться беда, и не только с тобой? У Алексея Ивановича давление подскочило двести шестьдесят на сто двадцать! Ты понимаешь, что это значит? У него в любой момент при таком давлении мог лопнуть сосуд где-нибудь в мозге. А это инсульт. Зоя, у твоего отца мог случиться инсульт от переживаний! Ты это понимаешь?!

– Но не случился же, – легкомысленно пожала узкими плечиками девица.

– Ты когда прекратишь все эти выкрутасы?

– А тебе то какое дело? – вскинулась Зойка и вскочила с подлокотника. Всю её беззаботность и невозмутимость как ветром сдуло. – Ты вообще кто такой, а?! Ты по какому праву в мою семью лезешь, прихлебатель грёбаный?! Что тебе здесь нужно?!

Голубые глаза метали осколки льда, руки сжимались в кулачки. Почувствовав агрессию, Глеб перестал сдерживаться и перешёл на повышенные тона:

– Мне нужно, чтобы человек, которого я ценю, люблю и уважаю, мой учитель был жив и здоров и продолжал мирно и спокойно работать и лечить людей. А одна маленькая дрянь ежедневно ему душу выматывает, издевается над пожилым человеком!

– Да пошёл ты! – взвизгнула девица, сверля его ненавидящим взглядом. – Выметайся из моего дома! Не лезь к моему отцу! Это мой отец и я тебе его не отдам! Понял?!

– Тебе он отец, а мне – учитель, гуру, сэнсэй. И я не позволю тебе, малявка, довести его до могилы!

– И чё ты сделаешь?

От наглой улыбочки, растянувшей покрытые чёрной помадой губы, у Глеба поплыл перед глазами красный туман, а кулаки сжались до боли в суставах.

– Я тебя сейчас выпорю...

Глеб, стиснув зубы так, что под скулами заходили желваки, стал надвигаться на девицу. В её глазах мелькнул страх, но только на долю секунды. Она отскочила на пару шагов и выпалила:

– Только попробуй! Я скажу отцу, что ты меня пытался изнасиловать. Как думаешь, после такого тебе здесь откроют дверь? – и ехидно ухмыльнулась.

– Что-о-о?! – взревел Глеб и метнулся к Зойке.

Та, взвизгнув, бросилась за спинку стоявшего у окна дивана, Глеб – следом. И они закружили, пытаясь испепелить друг друга взглядами.

– Ах ты, маленькая лгунья, дрянь паршивая! – рычал Глеб, стараясь достать девчонку, но та была юркой, как ящерица. – Совсем уморить отца решила? Да я шкуру с тебя спущу.

– А ты попробуй! Руки короткие, Склифосовский!

Вдруг Глеб сделал неожиданный выпад, схватил девчонку за руку и толкнул на диван. Она упала на живот и ткнулась лицом в диванную подушку. Парень прижал её одной рукой между лопатками, а второй рванул пряжку своего ремня. Звякнул металл, длинная полоса кожи, вжикнув, вылетела из шлиц. В следующую секунду зажатая в кулаке ременная петля взвилась вверх и со свистом опустилась на круглые ягодицы, покрытые плотной джинсовой тканью.

Зойка завизжала и задёргалась, лягаясь ногами и молотя руками по дивану. Но визг и крики глохли в подушке. А её мучитель со смаком, отводя душу раз за разом вытягивал ремень поперёк её бёдер.

«Господи, что я делаю?!» – молнией вспыхнуло в сознании, и Глеб ужаснулся бурлящей в нём ярости. Он судорожно втянул воздух и опустил руку. Сердце пульсировало в висках, дыхание сбилось так, будто он пробежал километровую дистанцию, а не отстегал по заднице нахалку и лгунью.

Почувствовав, что хватка ослабла, Зойка немедленно вывернулась из-под его руки и отскочила в сторону, растрёпанная, взъерошенная, с размазанной по лицу косметикой.

– Псих, садист, мне же больно! – выкрикнула она, прикрывая ладонями ягодицы.

– А отцу твоему, думаешь, не больно, когда ему учительница сообщает о твоих прогулах, или звонят из полиции? Не больно?!

Вдохнув поглубже, чтобы хоть немного успокоиться, он положил ремень на диван и сел сам. Зойка посмотрела расширенными от ужаса глазами на орудие экзекуции и немного попятилась, будто видела не простой кусок кожи, а живую змею.

– Дурак, я же теперь неделю сидеть не смогу! – в голосе её послышались жалобные нотки. Девчонка всхлипнула и размазала ладошкой текущие по щекам слёзы. – Козёл ты, Склифосовский.

– Ты меня достала, Зойка, господи, как же ты меня достала! Я ведь реально хотел тебя убить, чудовище ты маленькое. Руки до сих пор трясутся... – Он вытянул перед собой руки: пальцы мелко дрожали. – Вот что с тобой делать, зараза ты, Зойка?

Глеб поднял на девчонку глаза. Та жалась к подоконнику и всхлипывала.

– А ты убей меня, вообще убей! – выкрикнула Зойка с отчаянием, захлёбываясь слезами. – Я всё равно никому не нужна! Меня всё равно никто не любит! Убей, что б я больше не мучилась. Все тебе только спасибо скажут.

– Господи, что ты несёшь?..

По щекам её чёрными ручьями текли слёзы, от расплывшейся косметики лицо казалось жуткой маской, жуткой и очень несчастной. Глеб вытащил из кармана носовой платок и протянул девчонке. Та зыркнула на него, но платок взяла. И вдруг он каким-то другим зрением увидел перед собой не обнаглевшую от безнаказанности и избалованную девицу, а маленькую, очень одинокую, испуганную и несчастную девочку. Жалость и сострадание сдавили сердце.

– Дурочка ты глупая, Зойка, – произнёс Глеб уже спокойным, даже мягким голосом. – Тебе ли жаловаться! Наверное, нет на свете человека, которого любили бы больше, чем тебя. А ты: «Никому не нужна! Никто не любит»!

– Да что ты обо мне знаешь? – всхлипнула Зойка. – Знаешь, каково это жить с родителями – учёными? Зачем они вообще меня родили, если я им только мешала всю жизнь?! Им надо лекции читать, а я болею и в сад меня не отвести. Им на конгресс международный лететь надо, а я ногу сломала, упав с велосипеда. У них больные, консультации, операции, а я тут со своими проблемами и просьбами. Им же всегда было некогда. Им всегда работа была важнее меня. В конце концов они меня бросили на произвол судьбы, на тётю Катю, самой себе предоставили, как только немного подросла. А мама вообще умерла, бросила меня окончательно.

Глеб с нескрываемой жалостью посмотрел на бедную дурочку.

– Ну, что ты несёшь, Зойка? Мама твоя умерла от рака, а не бросила тебя.

– Да я знаю, понимаю головой. А вот тут, – она постучала сжатым кулачком по груди, – всё кричит: «Бросила! Бросила!» И отец с тобой больше времени проводит, чем со мной. Он и тёте Кате говорил, что ты ему как сын. Я своими ушами слышала.

Глеб сокрушённо покачал головой и встал, подошёл к зарёванной девчонке. Рука сама потянулась к её вздрагивающему от слёз плечу, но замерла на середине пути, а потом вернулась в карман джинсов. Он только вздохнул.

– Да ты его ревнуешь ко мне, дурёха! Ах, Зойка, Зойка, если бы ты только знала, что значит на самом деле быть ненужным родителям...

– Можно подумать, ты знаешь...

– Я знаю, на собственной шкуре знаю. Я оказался побочным продуктом жизнедеятельности моих родителей – алкоголиков. Всё своё время они уделяли водке, а не мне. Даже не понятно, как я умудрился всё-таки вырасти. Отец, когда был относительно трезв, воспитывал меня тумаками и пинками. Мать регулярно забывала кормить. А про то, что в семь лет ребёнка надо отвести в школу вообще никто не вспомнил.

Глеб отвернулся, уставившись в окно на унылый двор, стараясь ни взглядом, ни голосом не выдать всколыхнувшиеся в душе эмоции.

– Они часто уходили в запой на неделю, на две. Я, как подросток, стал заранее готовиться к очередному запою, как собака, зарывая еду про запас. Прятал в укромные места то сухое печенье, то кусок хлеба. Чтобы потом, когда мать с отцом про меня забудут, достать затвердевший до деревянного состояния сухарь и съесть. Потом научился открывать дверной замок и днями болтался на улице, пробавлялся на помойке объедками.

А когда у отца случился приступ белой горячки, и он носился по квартире, пытаясь от кого-то спастись с дикими воплями, я выскочил на лестницу и забился в угол от страха. Потом приехали медики и скрутили папашу, увезли в психиатрическую лечебницу. Мать была в отрубле. А мне несказанно повезло: соседка из квартиры напротив, встревоженная всей этой вознёй, заметила меня и позвала к себе. Так в моей жизни появилась Апполинария Трифоновна. – Глеб грустно улыбнулся, вспоминая. – Я тогда в свои семь не мог выговорить такое сложное имя-отчество, но добрая старушка разрешила мне называть её просто «тётя Поля».

Тётя Поля меня потом часто забирала к себе, когда родители пьянствовали. Она меня кормила, поила и... читала мне вслух книжки, научила меня читать, считать. Фактически первый класс школы я прошёл под её руководством. А потом она сама попала в больницу, ведь была уже очень пожилой. И дверь в её маленькую уютную квартирку для меня закрылась насовсем, потому что тётя Поля из больницы больше не вернулась.

Соседи, озабоченные судьбой бесхозного ребёнка, сообщили в полицию, в отдел опеки. И однажды за мной пришли чужие строгие люди и увезли в интернат. С тех пор я не видел своих родителей. Потом, уже повзрослев, узнал из личного дела, что их по суду лишили родительских прав. Так что я оказался круглым сиротой при живых родителях. Вот такая вот история, Зойка.

Девочка смотрела на него круглыми голубыми глазищами и потрясённо молчала.

– Так что твоё детство, Зайка, с уверенностью можно назвать счастливым, несмотря на занятость родителей. Не гневи бога, не жалуйся, и заканчивай безобразничать. Отец у тебя – замечательный человек! Ты на него молиться должна, заботиться о нём, помогать, как нормальная любящая дочь. И я надеюсь, что теперь ты так и будешь делать. А не то... – он поднял с дивана свёрнутый петлёй ремень, для убедительности поднёс его к распухшему от слёз носу Зойки и стал заправлять обратно в пояс джинсов.

– Так ты что, выходит детдомовский? – шмыгнув носом, произнесла девочка. Она перестала плакать и широко распахнутыми глазами потрясённо уставилась на Глеба.

– Выходит.

– И как там, в этом детдоме? Ужасно, наверное.

– Ну, это смотря с чем сравнивать. По крайней мере кормили меня регулярно три раза в день. И целыми днями торчать в промёрзшем зимой подъезде мне больше не приходилось, и рыться в помойке в поисках хоть какой-нибудь жратвы тоже. Я вообще то везучий: мне везёт на хороших людей. В интернате у нас был замечательный воспитатель Михаил Захарович. Он был очень строгий, но справедливый, не позволял прорываться наружу звериным инстинктам. А ты же знаешь, дети – существа жестокие. Но он нас учил, что если ты сильный, то должен защищать слабых по определению. Если ты вырос большим, то просто обязан помогать маленьким. Михаил Захарович умер, когда мы заканчивали школу, но я до сих пор вспоминаю его с благодарностью. А потом я встретил своего Учителя – твоего отца, Зоя. Вот такая история.

– Почему ты об этом никогда не рассказывал?

– А зачем? Это никому не интересно. Да и вспоминать, честно говоря, не особо приятно. Вот тебе рассказал и жалею. Будь человеком, Зойка, держи рот на замке. Алексею Ивановичу пересказывать ничего не нужно. Ему и так переживаний хватает.

Глеб взглянул на часы и пошёл к двери.

– Вот тебе задание, Зоя: завтра ты не пускаешь на работу Алексея Ивановича. Костыми ляжешь, но непустишь, пусть отлежится после криза, и проводишь с ним целый день, а потом принимаешься за учёбу, как нормальный вменяемый ребёнок. Поняла? – Он взялся за ручку двери, но обернулся: – И смой этот ужас с лица. Ты ж вполне симпатичная девчонка. Зачем себя уродуешь?

Зойка принялась судорожно стирать косметику со щёк, а Глеб зашёл на кухню к Катерине Васильевне.

– Я пойду, Катерина Васильевна. Алексей Иванович, надеюсь, проспит до утра. Утром я вам позвоню, скажете, какое у него давление. На работу его не пускать под страхом смертной казни! Хоть к кровати привязывайте, но не пускайте. А вечером я зайду.

– Ох, спасибо тебе, Глебушка! – запричитала Катерина Васильевна, впихивая ему в руки какой-то свёрток.

– Что это? – удивился Глеб.

– Это пирожки мои с мясом и с капустой. Дома поешь хоть немного, а то сегодня я и ужином тебя накормить не удосужилась.

– Да что вы, Катерина Васильевна! Неудобно же. Меня Зойка и так нахлебником обзывает.

Он попытался всучить свёрток сердобольной женщине обратно, но та замотала головой:

– Бери, бери, Глебушка, не отказывайся! Это тебе ещё и в знак благодарности за Зойку. Правильно. Ты молодец. Давно надо было. Я Алексею Ивановичу говорила, что с ней построже надо бы. Да разве ж он может построже? Он не может. Так что надежда только на тебя.

Глеб вздохнул, прижал к груди свёрток с пирожками и пошёл домой.

Глава 4

Американская мечта Севы Ярцева

Незаметно пролетело полгода. Весна настойчиво заглядывала в окна спящими солнечными бликами. Деревья ещё стояли голые, но почки уже набухли и казалось, если прислушаться, можно услышать, как они потрескивают, из последних сил сдерживая рвущиеся на свободу молодые листочки. Асфальт на улицах уже просох, а в парке под деревьями ещё лежали кучи осевшего серого снега, медленно растекаясь по газонам и дорожкам парка обширными лужами.

Зойка, к удивлению всех, неожиданно притихла и стала вести себя вполне по-человечески, даже перестала пугать людей боевым раскрасом в стиле «королева зомби» и вечерами сидела за уроками в своей комнате. «На долго ли?» – резонно сомневался Глеб, подозрительно косясь в сторону новоявленной паиньки и не позволяя себе расслабляться. От колкостей в его сторону Зойка, конечно, не отказалась. Но теперь цеплялась к отцовскому любимчику беззлобно и, скорее, по привычке. А в её голубых глазах Глеб улавливал нечто похожее на уважение.

А на кафедре и в клинике то и дело раздавались за спинами учеников профессора Леднёва шушуканья и шепотки. Врачи, медсестры, ординаторы и даже санитарки спорили, кто из двоих аспирантов поедет на стажировку в Америку.

Алексей Иванович по традиции и по личной договорённости отправлял одного своего ученика на полгода в США, в Бостон к своему другу и коллеге профессору Хармонду учиться, перенимать опыт. Большинство из персонала клиники ставили на Глеба Астахова, считая его лучшим учеником Старика. Но были и те, кто цинично полагал, что папины связи обязательно должны помочь Севе Ярцеву развернуть колесо фортуны в свою сторону.

Глеб и хотел поехать, и побаивался. Ему ещё не приходилось бывать за границей, а тут не только другая страна, но и другой континент!.. Он старательно и терпеливо учил английский, но прежде всего для того, чтобы читать и переводить статьи в научных журналах, а не для прямого общения с носителями языка. И уж точно не считал себя более достойным, чем Ярцев для стажировки. Но Старик молчал, не называя имя счастливицы, будто специально подогревая страсти в длинных коридорах университетской клиники.

Глеб сидел в ординаторской и писал выписку одному из пациентов профессора. Вдруг дверь со скрипом приоткрылась и в кабинет заглянула дежурная медсестра.

– Глеб Александрович, в пятую палату больной поступил, плановый. Посмотрите?

Глеб вскинул голову от вороха бумаг.

– Да, конечно. Буду через две минуты.

Медсестра скрылась за дверью, кивнув головой в аккуратной медицинской шапочке. А Глеб тяжело вздохнул, понимая, что двух минут ему не хватит, чтобы закончить выписку, отложил документы в сторону и поднялся из-за стола.

Прихватив с сестринского поста ещё пустую, пахнущую свежей бумагой, историю болезни нового пациента, он прошёл в конец коридора и распахнул дверь с номером пять. Палата была двухместная. На кровати справа от окна сидел солидный мужчина за пятьдесят в ярком спортивном костюме, а возле него в небрежно накинутом на плечи белом халате, скрепив на груди руки, стояла красивая темноволосая девушка.

– Добрый день, – поздоровался Глеб и зашелестел страницами истории болезни в поисках имени новичка. – Кривенко Герман Константинович? Я ваш лечащий врач Астахов Глеб Александрович.

Девушка вскинула на него большие карие глаза, смерила придирчивым взглядом с ног до головы и нахмурилась. Глеб выдержал этот взгляд и, мягко улыбнувшись, попросил:

– Вы не оставите нас с Германом Константиновичем ненадолго? Мне нужно осмотреть его и заполнить историю болезни.

Красивое, точно нарисованное рукой искусного художника, лицо незнакомки искривила насмешливая улыбочка.

– Я подожду в коридоре, папа, – сказала она мужчине, не посмотрев на врача, и вышла из палаты, всем своим видом выражая недовольство.

Глеб сел на соседнюю пустую кровать. Расспрос и осмотр нового пациента заняли минут пятнадцать. Сделав краткие пометки в истории болезни, Глеб простился с больным и направился к себе в ординаторскую.

Кареглазка стояла в коридоре, подпирая спиной противоположную стену. Едва дверь палаты распахнулась, девушка оторвалась от стены и шагнула навстречу Глебу.

– Можно с вами поговорить, доктор? – произнесла она строгим голосом.

– Конечно.

– Я дочь Германа Константиновича.

– Я понял.

– Простите, но мы приложили немало усилий, чтобы попасть на лечение к самому известному кардиохирургу города, к профессору Леденёву, а...

Глеб не дал ей договорить, закончил фразу сам, улыбаясь:

– А попали к никому не известному молодому аспиранту.

Девушка стусевалась, растерянно захлопала длинными ресницами.

– Вы не расстраивайтесь, – продолжил Глеб, – я учусь у профессора Леденёва в аспирантуре и просто оформляю за него все необходимые бумаги, потому что профессору заниматься этим некогда. Я буду вести вашего отца, а операцию сделает сам Алексей Иванович. А я, если на то будет воля начальства, буду рядом в качестве подмастерья. Так что Герман Константинович в надёжных руках, вам не о чем беспокоиться.

– Извините, доктор, – пробормотала девушка, и щёки её залил очаровательный смущённый румянец, – я не хотела вас задеть.

– Всё в порядке, – кивнул Глеб, шагнув в сторону ординаторской, – до свидания. – И ушёл, сжимая в руках историю болезни нового пациента.

Сева накинул куртку, поправил галстук и, бросив взгляд в зеркало, пригладил волосы растопыренными пальцами правой руки. В левой он держал свой новенький, пахнущий дорогой кожей, элегантный портфель, в котором носил документы на машину. Рабочий день закончился и Сева, в отличие от Астахова, торчать на работе до ночи не собирался. Тем более, что сегодня его ждал разговор с отцом, очень важный разговор.

Сева открыл дверь и вышел из раздевалки. В конце коридора заметил удаляющуюся к выходу из отделения тоненькую женскую фигурку. Длинные вьющиеся волосы незнакомки каштановым облаком окружали головку и ложились на плечи. Изящно покачиваясь на высоких каблуках, девушка шла к дверям. Вдруг остановилась и наклонилась, поправляя больничные бахилы, сползающие с ног и безумно уродующие шикарные сапоги на шпильке.

Сева приподнял брови и едва сдержался, чтобы не присвистнуть от восхищения. И откуда к нам слетела эта дивная птица? Красотка, просто красотка! Он смерил оценивающим взглядом длинные, достойные подиума ноги удаляющейся красавицы и ускорил шаг.

Но догнать её удалось только в гардеробе на первом этаже. Барышня получила по номерку модное, явно дорогое, короткое пальто, надела его, не застёгивая, и пошла к входной двери, где её уже поджидал Ярцев.

Он придержал дверь и, кивнув на ноги незнакомки, произнес:

– Вы забыли, девушка.

– Что? – встрепенулась та, не понимая, о чём он толкует.

– Бахилы забыли снять.

– Ах, да! – спохватилась она и поспешила стащить с ног уже порванный в нескольких местах голубой полиэтилен. – Спасибо, что напомнили, а то я так бы и пошла, задумавшись.

Сева галантно распахнул тяжёлую дубовую створку перед девушкой.

– И о чём же задумалась такая красавица? Неужели есть повод для задумчивости? – и тут же сменил игривый тон на серьёзный: – Я видел вас на нашей кардиохирургии. У вас там лечится кто-то из близких?

– Да, отец, – кивнула девушка.

Они вышли на крыльцо и одновременно спустились по ступеням. Свежий весенний ветер беззастенчиво принялся играть с каштановыми кудрями незнакомки. Изысканным движением руки с ухоженными пальчиками она убрала за ухо непослушную прядь.

– Вы сказали «нашей кардиохирургии». Вы там работаете? – и бросила на Севу заинтересованный взгляд.

– Имею честь. Всеволод Ярцев, аспирант кафедры кардиохирургии, – отрекомендовался Сева и по-гусарски щёлкнул каблуками.

Йес! Повод для знакомства возник сам собой. Сева внутренне возликовал. Но красавица не спешила представляться.

– А вы знаете доктора Астахова? – спросила она.

– Конечно. Мы вместе с ним работаем у профессора Леденёва.

– Скажите, он хороший врач? – и подняла на Севу такие невероятные карие глаза, что он немедленно почувствовал, как сладко что-то заныло в области солнечного сплетения.

– Нормальный, как все. Профессор Леденёв у себя плохих не держит, только самых лучших. А вас что-то беспокоит?

– Нет, ничего. Спасибо за информацию! – она вежливо улыбнулась и повернулась налево, удаляясь от растерявшегося Севы быстрыми шагами.

– Подождите, девушка! – воскликнул он, вытаскивая из кармана ключи от машины. Та обернулась. – Хотите, я вас подвезу?

Ярцев с гордостью кивнул в сторону своего новенького «фольксвагена». Но незнакомка только покачала головой:

– Нет, спасибо, я на своей.

В следующую секунду в ответ на нажатие кнопки брелка ей радостно подмигнула габаритными огнями элегантная и не менее новая «БМВ». Сева разочарованно вздохнул и поплёлся к своей машине.

Борис Всеволодович Ярцев сидел за своим огромным антикварным письменным столом, который не без намёка называл министерским, и читал книгу. В кабинет, постучавшись, вошёл сын.

– Привет, пап, как ты?

Борис Всеволодович поднялся из неудобного, но зато подходящего по стилю к столу, и тоже антикварного, кресла и протянул руку сыну. К пятидесяти годам он слегка погрузнел. Но мягкие фланелевые брюки и домашняя кофта сглаживали образ важного чиновника.

– Да у меня то всё нормально. А вот у тебя, сын, явно что-то стряслось, если среди рабочего дня ты звонишь мне и просишь, даже настаиваешь на встрече. Что случилось?

Сева положил свой кожаный портфель с документами на край отцовского стола и присел в кресло напротив. Их разделял стол, словно сын не к отцу пришёл за советом и помощью, а проситель к важному чиновнику. Но для Бориса Всеволодовича такое положение вещей было привычным и даже настраивало на деловой лад.

Всеволод вспомнил, как всё беззаботное детство и отвязную юность даже не задумывался, на какие деньги скромный чиновник от медицины содержит жену-домохозяйку и единственного сына, балуя обоих, немедленно удовлетворяя каждую их прихоть и желание. Жили они в просторной, дорого обставленной квартире. Сева учился в лучшей гимназии с углублённым изучением английского языка, дополнительно занимался с кучей репетиторов. Они ежегодно ездили всей семьёй на заграничные и далеко не самые дешёвые курорты. Сын буквально купался в отцовской щедрости и относился к этому, как к само собой разумеющемуся, пока на втором курсе института не попал в неприятную ситуацию...

Они с ребятами и девушками тусили в популярном ночном клубе. К выпивке и танцам, как было уже не раз, прилагались загадочные таблетки вполне традиционного вида, но вызывающие в организме такие необычные ощущения, что отказаться от развлечения было трудно. Сева и не отказывался. Вместе со всеми он ловил кайф, когда на ночной клуб обрушилась полицейская облава в стиле «маски-шоу». Всех уложили на пол, руки за голову, и грубо, бесцеремонно обыскали. К счастью, в карманах развлекающегося студента дури не было, она была внутри, заставляя воспринимать происходящее, как весёлую шутку, развлекуху. Сева глупо улыбался и пытался дерзить серьёзным людям в полицейской форме. За что и поплатился позорным пребыванием в «обезьяннике» в течение нескольких часов, пока не прибыл отец с адвокатом.

То, что сказал ему отец в тот день, так поразило сына, потрясло его до глубины души, что он впервые задумался о своей жизни и её смысле. Борис Всеволодович сдавленным от сдерживаемых эмоций голосом произнёс: «Щенок, привык жить на всём готовом, что совсем нюх потерял, с наркотиками решил связаться? Ещё раз узнаю, что ты общаешься с этой гольтьбой и балуешься дурью, выгоню из дома без копейки в кармане! Попробуй жить самостоятельно, а не прячься за папину спину».

Слова отца так глубоко задели гордость и чувство собственного достоинства в душе сына, что он сначала обиделся. Всеволод с раннего детства знал, что он лучший, самый умный, самый талантливый, самый красивый. А раз он лучший, то и достоин лучшего в этой жизни. Человек, которому он доверял, которого любил и уважал, обозвал его щенком, унизил! Но оскорблённому мальчишке хватило ума посмотреть на себя в этой ситуации со стороны. И выходило, что отец был прав: он ещё ничего в этой жизни не сделал самостоятельно, ничего не достиг сам, без помощи старших. Захотелось непременно доказать отцу, что он не щенок, не безмозглый дурачок, подверженный стадному инстинкту, а вполне взрослый и самостоятельный мужчина.

С тех пор Сева взялся за ум, стал хорошо учиться и ограничил свои аппетиты в плане развлечений. Отец, конечно, не лишил его материальной поддержки, но милостиво закрывал глаза на сыновние «шалости», если мальчик успешно сдавал сессию и не прогуливал занятия в универе. Чем старше становился Всеволод, тем больше стремился он к самостоятельности и независимости. Он старался не просить лишней раз деньги у отца, благо Ярцев-старший ежемесячно выдавал ему немалую сумму. Но случались ситуации, в которых без посторонней помощи Сева обойтись не мог.

– Пап, помоги мне попасть на стажировку в Штаты, – выдавил Сева, опустив глаза в пол. Отец удивлённо изогнул бровь.

– О как!.. А я, грешным делом, думал, что мой сын уже стал взрослым самостоятельным мужчиной и перестал нуждаться в отцовской поддержке.

– Пап, мне и так хреново, а ты со своими подколками! – Сева немного по-детски обиженно надул губы. – Мне правда очень, очень хочется попасть на стажировку к Хармонду,

но Старик собирается туда отправить своего любимчика Глеба Астахова. – Он тяжело вздохнул. – Впрочем, этого и следовало ожидать. Он же надыхаться не может на своего Глебушку! Тот ведь бегаёт за ним, как преданный пёс, в рот смотрит, в доверие втирается, – Сева сжал руку в кулак и с досадой стукнул по столу: – подхалим.

Ярцев – старший забарабанил пальцами по столешнице, покрытой зелёным сукном.

– Сева, ты же знаешь моё отношение к твоему странному выбору. Я не одобрял и не одобряю то, что ты решил стать хирургом, тем более кардиохирургом. Слишком сложная и ответственная это сфера, да и рискованная. Недаром же говорят, что у каждого хирурга есть своё персональное кладбище. У кого-то больше, у кого-то меньше. Было бы гораздо правильнее получить специализацию по терапии или по ультразвуковой диагностике. Тогда бы я смог устроить тебя в какую-нибудь страховую компанию экспертом или в приличный частный медицинский центр.

– Ага, – вскинулся Сева, сверкнув на отца серыми холодными глазами, – и что бы я там делал? Протирал штаны у ультразвукового аппарата или писал скучные бумажки?

– А ты хотел сразу директором медицинского центра? – в голосе отца промелькнула снисходительная насмешка.

– Да, папа, я хочу стать директором медицинского центра, не сразу, конечно, и не какого-нибудь, а самого крутого в городе, и желательно своего. Чтобы народ стремился попасть в этот центр и готов был заплатить любые деньги за своё лечение там. Но для этого недостаточно быть заштатным чиновником от медицины или сереньким узистом. Для этого надо быть известным в городе специалистом с именем. Кардиохирургия – высокотехнологичная отрасль современной медицины, за ней будущее и огромные деньги. Ты сам мне об этом говорил. А чтобы заработать себе имя в кардиохирургии необходимо, просто необходимо и аспирантуру закончить у самого знаменитого профессора в городе, и диссертацию защитить, и на стажировку в Америку съездить.

Борис Всеволодович откинулся на спинку кресла и удовлетворённо улыбнулся.

– А ты, Сева, у нас оказывается и амбициозный и целеустремлённый парень. Похвально, похвально.

– Да, папа, я достаточно амбициозный, чтобы хотеть стать кем-то, а не просто канцелярской крысой.

Лицо отца вытянулось и побледнело так, что сын поспешил исправить свою оплошность:

– Извини, пап, я не имел в виду тебя.

– Да уж, сынок, я искренне надеюсь, что меня ты канцелярской крысой не считаешь. А то даже как-то обидно. Дослужился до важного поста в управлении городским здравоохранением, всю жизнь помогал, чем мог, устроил и в университет, и в ординатуру к самому известному профессору, а тебя в благодарность канцелярской крысой обзывают!

– Ну, папа, прости! – Сева заволновался, даже привстал из кресла и, нагнувшись вперёд, примирительно положил свою ладонь на руку отца, лежащую на столе. – Ты же знаешь, как я тебя люблю и уважаю. И совершенно согласен с мамой, что ты у нас – надежда и опора семьи.

– Ладно, не подлизывайся, – немного оттаял отец. – Но я не понимаю, зачем тебе так нужна эта самая стажировка?

Всеволод снова сел, немного поёрзав в кресле. Чёрная туча, омрачившая было строгое лицо отца, прошла стороной.

– Стажировка в Америке, папа, это как знак качества, как отметка о принадлежности к элите кардиохирургии. Понимаешь? Со стажировкой в кармане я всегда, при любых обстоятельствах буду на шаг впереди своих конкурентов.

– Ну так давай, я дам тебе денег, и ты поедешь на свою стажировку хоть в Америку, хоть в Англию, куда захочешь.

– Ты не понимаешь, пап, – Сева всплеснул руками, силясь объяснить отцу то, что, как ему казалось, должно быть понятно любому, – стажировка у самого профессора Хармонда – это как золотой ключик от всех дверей в кардиохирургии! Он лучший в мире, не только в США! К нему все хотят попасть, но берёт он только по личной договорённости от своих друзей, таких, как Леденёв.

– Так уговори своего Леденёва, – пожал плечами Борис Всеволодович. – Дай ему денег, в конце концов.

Сева опять тяжело вздохнул. Отец, всю жизнь вращавшийся в чиновничьих кругах от медицины, ничего не понимал в медицине практической.

– Во-первых, папа, я уже пытался с ним говорить. Убеждал, что я ничем не хуже Астахова, а английский знаю на порядок лучше, потому что закончил спецшколу с английским уклоном. Но он мне сказал, что дело не в знании языка, а в руках и голове. Во-вторых, деньги ему давать бессмысленно, даже опасно. Он у нас человек старой советской закалки. Взятки не берёт принципиально. Сунь я ему деньги в карман, ещё вышвырнет меня из аспирантуры с волчьим билетом! Нет, папа, тут надо действовать как-то по-другому.

– Как? – судя по выражению лица, Ярцев-старший наконец проникся важностью проблемы. – Честное слово, сынок, я бы помог тебе, но не знаю как.

– Надави на Леденёва с помощью своих рычагов, пап, – Сева заглянул в глаза отца с искренней мольбой, – заставь его выбрать меня, а не Астахова.

Борис Всеволодович не выдержал пронзительного взгляда сына и отвёл глаза, вздохнул, развёл руки в стороны.

– Увы, мой мальчик, никаких рычагов давления в данном случае у меня нет. Ваш Старик устраивает эти стажировки в Америке исключительно частным образом, через свои личные связи, никак не задействуя аппарат Комитета по здравоохранению.

Он встал из-за стола и, засунув руки в карманы просторных брюк, заходил по кабинету, пытаясь что-то придумать. Взгляд его рассеянно скользил по роскошному ковру на полу, по антикварным безделушкам на полках шкафов, которые так любила жена, по покрытой зелёным сукном столешнице и лежащей рядом со старинной настольной лампой ручкой с золотым пером.

– Нет, Сева, – покачал головой сокрушённо спустя минуту, – ничем не смогу помочь. Извини, но придётся тебе самому решать эту проблему. Может, бог с ним, с этим Астаховым, пусть себе едет сейчас, а через год ты поедешь? Ведь других аспирантов у профессора пока нет.

– Вот именно: пока, – ответил сын, задумчиво глядя в окно. Брови его нахмурились, подбородок упрямо выдвинулся вперёд: – Ладно, пап, сам придумаю что-нибудь, – Сева поднялся из кресла и направился к двери. – А если не придумаю, то как-нибудь переживу. В конце концов свет клином не сошёлся на этом докторе Хармонде. Ты прав, можно и в другом месте стажироваться.

Он уже приоткрыл дверь, но вдруг обернулся к отцу:

– Пап, но ты на всякий случай помоги мне американскую визу получить.

– Вот с этим помогу, без проблем, – кивнул Ярцев-старший и улыбнулся.

По выражению лица сына он понял, что тот не намерен отступать. Борис Всеволодович не только искренне любил сына, но в последние годы всё больше им гордился и уважал. Хорошего парня они вырастили с женой: умного, красивого, целеустремлённого и амбициозного, такого, каким и должен быть настоящий мужчина!

Глава 5

Происшествие в темной аллее

Проводив Алексея Ивановича до дома, Глеб неспеша возвращался к себе, прокручивая в голове разговор с шефом. Предварительное согласие на стажировку в Бостоне было получено, все документы сданы. Осталось только получить визу.

В этот вечерний час дорожки парка были уже пусты. Редкие фонари цедили бледный свет, как жидкий лимонный сироп. К фонарям зябко жались пустые скамейки. Ещё голые деревья отбрасывали на дорожку причудливые тени. Глеб шёл, засунув руки в карманы, и размышлял над вопросом: почему же так не хочется идти домой? От того ли, что квартирка в блочном доме недалеко от метро, полученная от государства не так давно, категорически не желала становиться Домом, а оставалась общагой, отдельной, однокомнатной, но общагой, несмотря на наспех сделанный ремонт, купленный новый диван и даже коврик на полу в ванной комнате? Или от того, что в этой квартире не хватало чего-то самого главного, что было в достатке в доме Леденёвых, что было просто разлито в воздухе профессорской квартиры, создавая непередаваемую ауру домашнего уюта?

Он бы с удовольствием лучше вернулся в клинику, но сегодня было не его дежурство. Вот в больничных стенах он чувствовал себя дома, в своей тарелке. Когда выдавалось спокойное дежурство, можно было почитать или вздремнуть на жёстком диванчике в углу ординаторской, подложив под голову тощую больничную подушку. Можно было поболтать с медсёстрами или с больными, среди которых всегда находились интересные собеседники. Сева Ярцев, посмеиваясь над пристрастием своего напарника к больничным стенам, в шутку называл его сыном полка и говорил: «Жил бы ты, Глеб, во время войны, прибился бы к медсанбату и сутками ошивался под ногами врачей, будто и нет больше никакого дома у тебя». И Глеб внутренне соглашался с приятелем. Как ни крути, а выходило, что другого дома, кроме клиники кардиохирургии у него и нет, разве что дом профессора Леденёва. А квартира – это так, берлога, где он отсыпался после дежурств.

От размышлений его оторвал неожиданный окрик за спиной:

– Эй, приятель, дай закурить!

Глеб обернулся и увидел в нескольких шагах от себя три плечистых мужских фигуры. В тусклом свете фонарей они спрятали лица под козырьками бейсболок. А их чёрные куртки и спортивные штаны намекали, что это не просто загулявшая компания друзей. От недоброго предчувствия засосало под ложечкой.

– Извините, не курю, – ответил Глеб, повернулся и пошёл дальше, усилием воли заставляя себя не ускорять шаг. Но неожиданные спутники последовали за ним, не собираясь отставать.

– Ох, не хорошо обманывать старших! – прозвучал прежний голос с насмешкой.

– Ребята, что вам нужно? Я же сказал, что не курю. – Глеб остановился и посмотрел прямо в наглые, явно бандитские рожи, не позволяя себе поддаться паническому желанию броситься наутёк.

Руки сами собой сжались в кулаки, но всё ещё оставались в карманах. Напрасно. Первый удар в челюсть он пропустил. Голову мотнуло назад, в глазах мелькнула яркая вспышка. Но он собрался и нанёс ответный удар обидчику в печень. Тот охнул и согнулся пополам. Двое других тут же кинулись на Глеба, как голодные псы на охоте.

Тело само вспомнило уроки самбо в интернате и занятия по каратэ уже в университете, рассыпая удары направо и налево, отшвыривая противников. Но силы были не равны. Один

из нападавших саданул ногой Глеба под колено, и тот упал. И тут уже три пары ног в тяжёлых ботинках принялись пинать лежащего со всей силы.

Свернувшись клубком, сжавшись в комок на мокром песке, Глеб тщетно пытался прикрыть руками голову. Острая боль вспыхивала маленькими атомными взрывами то в пояснице, то в плече, то в колене, а потом эти вспышки слились в сплошной океан боли. Сознание, ослеплённое этими взрывами, балансировало на границе света и тьмы.

Вдруг один из нападавших, тот, что первым пристал со своим «дай закурить», крикнул:
– Руку его давай, руку!

Кто-то отцепил руку Глеба, прикрывавшую голову, и рванул на себя. И в тот же момент подошва тяжёлого армейского ботинка с размаху ударила по предплечью. От раздавшегося хруста костей и адской боли в глазах Глеба потемнело, он дёрнулся и закричал, как раненый зверь. Уже теряя сознание, успел расслышать:

– Правую надо было, правую руку, дебил!
– А это какая?.. Да хрен с ней, какая разница!
– Всё, пацаны, мотаем отсюда!

И наступила темнота...

...Сознание вернулось быстро от пронизывающей сырости и нарастающей боли. Казалось, руку опустили в кипящую воду. Глеб застонал и повернулся на спину, открыл глаза. Голые ветки старых лип тянулись к нему, как руки со скрюченными пальцами. «Вот сволочи, отморозки!» – прошипел он разбитыми губами и ощупал языком зубы. Кажется все целы. Но во рту было солоно от крови.

Глеб перекатился на правый бок и медленно встал на четвереньки, прижимая к себе покалеченную руку, сплюнул скопившийся во рту кровавый сгусток и с трудом поднялся на ноги. В голове шумело, перед глазами мелькали серебристые искорки. Он постоял, пытаясь обрести равновесие и, шатаясь как пьяный, медленно побрёл по пустынной аллее в сторону университетского городка, прижимая правой рукой к груди, как младенца, повреждённую левую. Он смутно помнил, что клиника травматологии дежурит по понедельникам. А вот какой был день недели вспомнить не смог.

Глеб лежал на диване и тупо смотрел в телевизор. На экране мелькали картинки, но он не улавливал смысла происходящего. В голове медленно ворочались невесёлые мысли. Вдруг сонную тишину квартиры разорвал резкий дверной звонок. Он сел, осторожно поправив перевязь, на которой висела загипсованная рука, тихонько охнув от проснувшейся в избитом теле боли, поднялся с дивана и побрёл в коридор, шаркая тапками.

На пороге стояла Зойка с объёмным полиэтиленовым пакетом в руке.

– Привет, Склифосовский!

– Привет, Зой, а ты как здесь?

– Войти можно? – Зойка протиснулась в коридор мимо него и с облегчением опустила тяжёлый мешок на пол. – А я тебя спасать пришла.

– Да ну? Серьёзно? – Усмехнулся Глеб и тут же скривился от боли. Синяки и ссадины на лице давали о себе знать. – А я думал ты меня добить пришла.

– Ну ты чё, Склифосовский, лежачих же не бьют! – Заявила Зойка и уставилась на Глеба, с ужасом и интересом рассматривая его изувеченную физиономию.

Глеб почувствовал себя неловко и огрызнулся:

– Хватит пялиться, Зойка, не в зоопарке!

– Извини, просто я никогда не видела тебя небритым и с таким фингалом под глазом. Очень больно?..

– Нет, блин, приятно!

Глеб потёр здоровой рукой щёку с трёхдневной щетиной и вздохнул. Ему на себя в зеркало смотреть не хотелось, не то, что бриться. Да и вообще ничего не хотелось, даже есть, словно те убудки в парке своими кулаками выбили из него способность радоваться жизни.

– Можно посмотреть твои хоромы? – из плохо сдерживаемого любопытства Зойка уже тянула шею и крутила коротко стриженной головой во все стороны, пытаясь осмотреться в незнакомой квартире.

– Да уж, хоромы... Что тут смотреть, Зойка? Не в музей пришла.

Но девица сунула свой нос в комнату, мгновенно оценила и разобранный диван со смятым одеялом, и не раздвинутые среди дня шторы, и свисающую со спинки стула грязную рубашку, и заваленный книгами стол. Зойка хмыкнула и покачала головой:

– А ничего хатка, просторная, но берлога.

– Какая есть. Ты чего пришла, Зойка? Нет у меня сейчас сил соревноваться с тобой в остроте языков.

Зоя бросила на него сочувствующий взгляд, словно коснулась мягкой ладонью фиолетовой от кровоподтёка щеки, и примирительно произнесла:

– Не злись, Склифосовский. Я же сказала, что пришла тебя спасать, спасти от голодной смерти. Тётя Катя считает, что с одной рукой ты помрёшь от голода. А я сейчас учусь готовить. Где у тебя кухня?

Девчонка подхватила с пола тяжёлый пакет с продуктами и пошла на кухню.

– Ты и учишься готовить? – искренне удивился Глеб. – Заболела что ли?

– Ну почему заболела? Тётя Катя говорит, что каждая уважающая себя девушка обязана уметь готовить, а то её никто замуж не возьмёт.

– А ты что, уже замуж собралась? Ещё не легче!

Зойка смерила его осуждающим взглядом пронзительных голубых глаз.

– С ума сошёл?! Мне всего шестнадцать. Просто интересно, как это у тёти Кати такая вкуснятина получается. – Зойка с хозяйским видом заглянула в холодильник, печально вздохнув над пустыми полками, разложила на столе какие-то пакеты и коробочки, достала из ящика нож и принялась за готовку. – Конечно, всякие щи-борщи, да расстегаи с кулебяками – это высший класс, и мне до него далеко. Я решила начать с простого. Приготовлю тебе простенький, но сытный ужин. Как ты насчёт картошки?

Глеб, устроившись за кухонным столом, с интересом наблюдал за стараниями юной поварихи.

– А-а, я понял: ты меня отравить решила! – хмыкнул он.

– Ну, это как получится, – ничуть не смутившись заявила Зойка, – но точно без злого умысла. Травить я тебя не собираюсь, просто надо же на ком-то учиться!

– Так мне уготована роль подопытного кролика?

– Что-то вроде того. А что, ты против? – и посмотрела на него чистыми и по-детски наивными голубыми глазами.

– В принципе, не против. Какая разница, от чего помирать? По крайней мере умру сытым.

Но оба понимали, что эта перепалка чисто дружеская, даже немного родственная. Никто никого травить не собирался. Даже наоборот, Зойка мужественно почистила десяток картофелин, счистив вместе со шкуркой почти половину клубней, порезала на кусочки, рискуя отхватить себе палец большим кухонным ножом и сложила на сковородку.

– У тебя подсолнечное масло есть?

– Есть. Открой дверцу слева внизу.

– Отлично! О, нерафинированное! Картошку с лучком пожарим или так?

– Конечно с лучком!

У Глеба странным образом прорезался аппетит. И вообще порхающая по кухне Зойка, звон и стук посуды, шкворчание картошки на сковороде и аромат подсолнечного масла напол-

нили квартиру непривычным уютом и теплом. Настроение, спрятавшееся за плинтус после инцидента в парке, выбралось оттуда и ощутимо поднялось.

К картошке полагался салат из свежих овощей. И нежданная спасительница, демонстрируя определённую ловкость, принялась нарезать кусочками огурцы и помидоры, шинковать зелень. В кастрюльке на плите закипала вода, а на столе ждали своего часа освобождённые от плёнки сосиски.

– Ты в депрессию то понапрасну не впадай, – посоветовала Зоя, заправляя салат сметаной и чувствуя себя шеф-поваром ресторана, – до свадьбы всё заживёт! Так говорит тётя Катя, а ей можно верить.

– Да не в этом дело, Зойка. Синяки пройдут, кость через месяц срастётся. Это всё ерунда... – Глеб тяжело вздохнул и пододвинул к себе здоровой рукой тарелку. – Накрылась моя стажировка в Америке медным тазом. Вот что обидно. Я уже настроился, а тут такое...

Зоя присела за стол на соседнюю табуретку и посмотрела с сочувствием.

– Конечно обидно, ужасно обидно, это я понимаю! Но ты все равно не расстраивайся. На следующий год поедешь. Отец опять договорится со своим Хармондом, и ты обязательно поедешь.

Она вскочила, будто стремясь утешить его таким образом, подхватила прихваткой с плиты сковородку и положила ему на тарелку жареную картошку, от которой шёл такой умопомрачительный аромат, что потекли слюнки. Ужин выглядел весьма аппетитно.

– Пожалуй, я составлю тебе компанию, ну, чтобы ты не думал, что я тебя травить собираюсь, – и решительно поставила вторую тарелку для себя.

Они сидели за одним столом и поглощали нехитрый ужин. И на душе у Глеба постепенно теплело, будто он делился наболевшим с родным человеком.

– Ты в полицию то ходил? – поинтересовалась Зоя с набитым ртом.

– Ходил.

– Заявление написал?

– Написал. А толку? Я же их не запомнил. Три здоровых амбала. Лица были закрыты козырьками бейсболок, да и темно уже было, а фонари горят плохо.

– Слушай, Глеб, тебе не кажется странным, что руку тебе сломали как раз перед отъездом в Америку? Уж больно подозрительное совпадение. Может у тебя враги есть?

Глеб даже жевать перестал и уставился на Зойку ошарашенным взглядом.

– Какие враги, Зой, ты что? Нет у меня никаких врагов и никогда не было. Что за чушь тебе пришла в голову!

– Это не чушь, Склифосовский. В детektивах, между прочим, пишут, что надо искать того, кому выгодно. Вот и ты подумай: кому выгодно, чтобы ты не смог поехать в Штаты?

– Начиталась детективов! – недовольно фыркнул Глеб и отложил вилку в сторону. – Никому.

– А этот твой, как его, Ярцев? – не отставала Зойка.

– При чём здесь Севка? Он мой друг и вообще нормальный парень, избалованный немного и слегка самоуверенный, но нормальный. Что он с ума сошёл, чтобы руку мне ломать? Да и узнал бы я его среди этих отморозков. Не было его там.

– А если он подговорил этих отморозков?

– Прекрати, Зойка, наводить тень на плетень. Я Севу много лет знаю, учились на одном курсе. За последние три года знаешь сколько часов мы с ним за одним хирургическим столом отстояли?.. И вообще, нет ему никакого резона гробить меня. У него отец какая-то шишка, денег в семье – хоть ложкой ешь. Вон за три года вторую машину меняет. Он на стажировку на Луну может поехать за свой счёт, не то, что в Америку к Хармонду.

Но какая-то мысль заскреблась в сознании, тревожа, не давая отмахнуться от глупых предположений девчонки. Глеб нахмурился и задумчиво потёр лоб.

– Хотя знаешь, Зоя, была одна странная вещь... Когда эти отморозки метелили меня, один из них крикнул: «Правую надо было, дебил!» А второй, видимо тот, что ломал руку, ответил: «А это какая? Да хрен с ней, какая разница?» И они убежали... Впрочем, может мне померещилось? У меня тогда в голове сплошная каша была.

Зоя тоже перестала есть и устала на Глеба.

– Если они говорили о твоей руке, то значит точно заранее собирались тебя покалечить! И кто-то их надоумил.

– Нет, этого просто не может быть! – замотал головой Глеб. – Если подозревать в таком зверстве близких людей, то можно с ума сойти.

Глеб так разволновался от этого предположения, что Зоя предпочла больше не обсуждать опасную тему и предложила выпить чаю. Тем более, что к чаю были принесены тёти Катины пироги.

Ясный весенний день за окном медленно клонился к вечеру. За сытным угощением Глеб разомлел, подобрел, оттаял душой, и даже, кажется, постоянно терзающая его боль отступила. Ощущать чью-то заботу было непривычно, но приятно. Он с любопытством косился на Зойку, вдруг обнаружив, что недавняя пацанка выросла, уже дотянувшись ему до подбородка, и неожиданно превратилась в тоненькую голубоглазую девушку, уже почти взрослую. «И когда только успела вырасти?» – вздохнул про себя Глеб, но мысленно улыбнулся.

Они пили чай, а хозяин квартиры нахваливал угощение:

– Ммм... какие вкусные пироги у Катерины Васильевны! В жизни ничего лучше не пробовал. Учись, Зойка, кулинарничать, как твоя почтенная тётюшка. Если научишься печь такие пироги, я сам на тебе женюсь.

Зойка фыркнула и покраснела.

– Больно ты мне нужен, Склифосовский!

Так за шутками и разговорами просидели за столом до самого вечера. Перед тем, как идти домой Зоя принялась мыть посуду и наводить порядок в кухне, проявив неожиданную сноровку. Глеб неловко пытался помогать.

– Да сиди уж, болезный, – прикрикнула на него девчонка, – сама справлюсь.

Глеб только обречённо вздохнул, чувствуя свою ненужность.

– Не представляю, как я просижу целый месяц без дела. Я же с тоски умру!

– Не умрёшь, – заверила Зойка, – я тебя развлекать буду.

– Серьёзно? Вот здорово! Не было счастья, так несчастье помогло: руку сломал, зато персональным аниматором обзавёлся! – усмехнулся Глеб, вдруг почувствовав прилив тепла в душе. А Зайка то в принципе неплохая девчонка, если перестаёт вредничать и выкаблучиваться!

Но тут же от пришедшей на ум новой мысли Глеб стал серьёзным.

– Зой, ты сколько раз в неделю к своему репетитору по английскому едешь?

– Два. По вторникам и пятницам. А что?

– Во сколько возвращаешься?

– После девяти.

– А от метро через парк идёшь?

– Конечно.

– Не ходи через парк, опасно, – покачал головой Глеб. – Лучше в обход по освещённым улицам.

Девушка устала на него, удивленно округлив глаза.

– С ума сошёл? Это ж минут на двадцать дольше будет. Я тогда совсем поздно приходиться домой буду.

– Резонно. – Глеб задумался. – А мы вот что с тобой сделаем, Зоя: возвращаясь, ты будешь звонить мне (всё равно мимо моего дома идёшь), а я буду выходить и провожать тебя через парк.

Голубые глазищи чуть не вылезли из орбит.

– Ты серьёзно хочешь меня провожать?..

– Конечно. Так будет спокойнее и Алексею Ивановичу, и Катерине Васильевне, да и мне тоже. Ты ж обладаешь редкостной способностью влезать во всякие неприятности. Лучше пере-страховаться.

Глава 6

Карина

Через две недели, когда сошли синяки и поджили ссадины на лице, Глеб заглянул в клинику на своё отделение. Измаявшись без дела в одиночестве, он с таким удовольствием вдыхал привычные больничные запахи, идя по коридору, что слегка кружилась голова.

– Здравствуйте, Глеб Александрович! – приветливо улыбнулась ему буфетчица, с усилием толкая впереди себя грохочущую тележку с горой грязных тарелок. В больнице только что кончился обед.

– Привет, Настюш! – Он еле удержался от желания сгрести в охапку скромницу-буфетчицу в крахмальном колпаке и расцеловать в румяные щёчки, так был рад вернуться домой.

– О, раненый боец к нам пожаловал! – радостно воскликнул анестезиолог Виктор Сергеевич, выходя из палаты и протягивая Глебу руку. – Как твоё ничего?

– Ничего. А как вы тут без меня?

– Как всегда зашиваемся, – старший коллега похлопал Глеба по плечу, приветливо улыбаясь. – Ты, Астахов, давай быстрее выздоравливай, а то нам тут без тебя действительно тяжело. Рук не хватает.

Пока дошёл до ординаторской в конце длинного коридора несколько раз останавливался, чтобы поговорить с больными.

– Здравствуйте, доктор! – окликнул, скрюченный в позе вопросительного знака, старый пациент Глеба с ревматическим пороком сердца, которого тот собирался оперировать, да не удалось. – Что ж вы сами заболели то?

– Да вот не повезло, Иван Николаевич, бывает, – Глеб виновато улыбнулся. – Оказывается, врачи тоже люди. А вы как? Вас Алексей Иванович оперировал? Как самочувствие после операции?

– Вашими молитвами, Глеб Александрович, поправляюсь потихоньку.

– Рад за вас!

– Вы сами-то поправляйтесь!

– Куда ж я денусь?!

И тут же его перехватила дама средних лет в красивом шёлковом халате с павлинами и непривычном для больницы макияже.

– Что ж вы меня бросили, доктор? Я только настроилась на операцию, а вы заболели. Я не хочу лечиться у другого врача.

– Маргарита Брониславовна, дорогая, простите меня, пожалуйста! – Глеб с покаянным видом поцеловал даме ручку с ярким маникюром. – Так уж вышло. А врачи у нас все хорошие. Вас Станислав Геннадьевич лечить взялся. А он заведующий клиникой. Так что считайте, вам повезло. И не расстраивайтесь!

– Но вы будете вести меня после операции? – требовательно спросила мадам.

– Конечно! Обязательно! Как только выйду с больничного, сразу возьмусь за ваше лечение.

Поздоровавшись и перекинувшись парой фраз с половиной отделения, Глеб вдруг всем своим существом осознал, что уже стал частью этого особого мира, врос в него своими корнями, каждой клеточкой собственного тела пропитался больничным духом. Прошло каких-то три года после окончания университета, а он стал на равных среди тех, для кого спасение человеческих жизней – призвание и каждодневная работа. И эти умные, крепкие мужики с сильными и чуткими руками, ежедневно выдерживающие за операционным столом нагрузки, срав-

нимые с нагрузками пилотов сверхзвуковых истребителей, приняли его в свой круг. Он полной грудью вдохнул воздух, пропитанный запахами лекарств и дезинфицирующих средств. И это был запах счастья!

Получив от общения с коллегами и пациентами приятнейшее ощущение собственной нужности, Глеб вошёл в ординаторскую. А там сквозь многоголосый шум и смех звучал звон бокалов с шампанским.

– Что отмечаем? – Глеб застыл на пороге, удивлённо округлив глаза.

Весёлые, радостные лица коллег повернулись в его сторону. Все бросились к Глебу и наперебой стали расспрашивать о здоровье, не скрывая радости.

– А мы тут отвальную празднуем, – сообщил Лёня Рыбаков, ординатор первого года. – Сева же в Америку в понедельник улетает.

– Здорово! – искренне улыбнулся Глеб, принимая от медсестры Леночки полный бокал, и повернулся к однокласснику: – Удачи тебе, Сева, и счастливого пути!

Подошёл Ярцев, чокнулся с ним бокалами и, ухватив под локоть, оттащил в сторонку, к окну.

– Глеб, – заговорил Сева, заглядывая в глаза приятеля, – ты уж меня прости.

– За что? – искренне удивился Глеб.

– За то, что вместо тебя лечу в Бостон. Как-то очень некрасиво получилось. Я ж понимаю, что занял твоё место. Это ты должен был лететь в Штаты, тебя ждет Хармонд, ведь именно ты лучший ученик Старика.

– Да ладно тебе, Сева, перестань! Что случилось – то случилось. Не пропадать же договорённости с Хармондом. Я через год поеду.

– Ты правда на меня не обижаешься?

И так жалобно, так просительно взглянул на Глеба, что тому стало неловко: переживает парень за друга, искренне переживает! В памяти всплыли нелепые подозрения Зойки и тут же растаяли, не оставив и следа. Он положил здоровую руку на плечо товарища и заверил:

– Всё в порядке, Сева, ни на кого я не обижаюсь, а уж на тебя тем более. Да и не обижаются на друзей. А мы же с тобой друзья, – ободряюще улыбнулся и отошёл к профессору Леденёву, скромно сидевшему в уголке на диване.

– Ну что, Глеб, – спросил учитель, – переносим твою стажировку на следующий год?

– Переносим, Алексей Иванович.

– Как самочувствие? Зоя тебе помогает с домашним хозяйством?

– Всё нормально, помогает, спасибо ей за это.

– Ты особо не расслабляйся, Глебушка, – строго сдвинул брови профессор, – не теряй времени даром. Пока ты не можешь оперировать, займись-ка обзором литературы для диссертации. Когда ещё выпадет такая возможность посидеть над книгами? Посиди, почитай, а там и кость твоя срастётся.

– Хорошо, Алексей Иванович, я всё сделаю. А можно я хоть на пару часиков в день буду сюда приходиться? – Глеб умоляюще посмотрел на профессора. – Мне дома от тоски волком выть хочется. А тут я хоть с документами вам помогу. Правая то рука у меня в порядке, писать могу.

– Ну, ладно, приходи, – милостиво кивнул Старик, – но в операционную не суйся со своей «бриллиантовой» рукой! А по средам отправляйся на консультативный приём в поликлинику. Справишься? – и тут же ответил самому себе: – Справишься, даже не сомневайся!

Покомандовав медсёстрами, убиравшими со стола остатки нехитрого пиршества, Сева Ярцев стал собираться домой, где его уже ждал упакованный чемодан с вещами. Душа пела в предвкушении долгого перелёта через океан, встречи с чужой страной, с новыми людьми. Кажется, Астахов на него зла не держит и это хорошо. Не было никакого резона создавать себе врагов. Как говаривал умудрённый жизнью отец: «лучше не иметь друзей, чем иметь врагов!»

Мысленно хваля себя за ум и изобретательность, Сева с удовлетворением вспомнил, как вовремя ему подвернулся на парковке старый дворовый приятель Митька Булыгин по прозвищу Булыжник. В детстве они жили в одном дворе и сын дворничихи – Булыжник нередко задирали мальчика из хорошей обеспеченной семьи. Но и в те годы Сева был не глуп. Он просто дарил Митьке всякую ерунду: жвачки, игрушки из киндер-сюрпризов, шоколадные конфеты. И тот сразу добрел от этих подачек, становясь для Севы другом и защитником.

Потом, когда Сева учился в старших классах, они с семьёй переехали в другой район в новую квартиру. Почти десять лет не виделись они с Булыжником, а тут вдруг встретились случайно перед супермаркетом. Потрёпанный «ниссан» Булыгина «запер» автомобиль Севы. И тот уже был готов к стычке с незадачливым водителем, как вдруг узнал в бандитского вида пижоне старого приятеля. Разговорились. Внешний вид Митьки не обманул внимательного Севу: отсидев три года по малолетке, Булыжник обзавёлся друзьями в криминальном мире и шёл по жизни легко, зарабатывал чем мог, не оглядываясь на закон.

Сева пригласил старого приятеля в ресторан на следующий день, а там за выпивкой и сытным ужином предложил хорошо заработать, убрав одно досадное препятствие со своего жизненного пути. Тот легко, и даже с удовольствием согласился.

Правда пришлось превысить запланированную сумму, потому что, выполнив поручение и явившись за гонораром, Булыгин заявил:

– Накинуть надо, бро! Этот тип с единоборствами знаком, чуть меня и моих ребят не покалечил, а ты не предупредил.

Поколебавшись несколько секунд, Сева выложил дополнительную сумму из кармана, но успокоил себя тем, что результат того стоит! Как учил отец: большие дела требуют больших вложений.

Сева переоделся и, завязывая галстук, выглянул в окно. Больничный сквер на глазах зеленеет, покрываясь нежнейшим пухом первой листвы. В лужах после недавнего дождя весело плескалось солнце и взбудораженные весной воробьи. Он блаженно улыбнулся, как сытый кот после визита в хозяйскую кладовку.

Но вдруг улыбка сползла с его лица. От крыльца клиники шли бок о бок Глеб Астахов и та самая кареглазая красотка, с которой Севе так и не удалось познакомиться. И шли они, медленно удаляясь по аллее, явно о чём-то мило беседуя, как хорошие приятели. Сева скрипнул зубами и сжал кулаки. Вот сволочь, Глебушка, обошёл-таки его! Хоть здесь, но обошёл! Ладно, красивых девчонок много, а стажировка у Хармонда одна. Нужно уметь отделять главное от второстепенного. Сева отошёл от окна, пообещав себе, что в отместку Астахову соблазнит и уложит в свою постель не менее десятка хорошеньких американок. Уж он постарается! Но отчего-то эта мысль не утешила. На самом доньшке души плескалась мутная взвесь злости и зависти.

Глеб правой рукой надавил на тяжёлую створку входной двери. Та поддалась с недовольным скрипом.

– Давайте я помогу! – раздалось за спиной.

Он обернулся. На него смотрели, улыбаясь, прекрасные карие глаза.

– Здравствуйтесь, доктор Астахов! – поздоровалась красавица, помогая открыть дверь и выходя на улицу вместе с ним. – Что у тебя с рукой? Неужели сломал?

– Сломал, – вздохнул Глеб, демонстрируя гипс и перевязь на левой руке.

– Бедняга! – посочувствовала девушка и вдруг улыбнулась лучезарной улыбкой: – Ничего, что я на «ты»? Мы же с тобой ровесники. А меня Карина зовут.

И протянула ему узкую изящную ладошку. Глеб слегка растерялся, но ладошку осторожно пожал.

– Глеб.

- Да я знаю. А мой отец спрашивал, куда это его лечащий врач запропастился?
- Как Герман Константинович? – поинтересовался Глеб.
- Прооперировали. Скоро выписывают. Все хорошо.
- Я рад за него.

Они спустились по ступеням больничного крылечка и пошли в сторону сквера, где уже вовсю зеленели деревья.

- Когда тебе гипс снимут? – Спросила Карина.
- Через две недели.
- О, это уже скоро! Чем занимаешься, пока не работаешь?

Ему было немного странно, что посторонний человек расспрашивает его с таким видом, будто они давно и хорошо знакомы. Но девушка была так красива, так приветлива, что невольно хотелось сократить психологическую дистанцию.

– Ничем особенным. Скучаю без работы.

– Да ты что? Скучать вредно для здоровья! Наоборот, пока ты работать не можешь, надо отвлечься на что-нибудь приятное. Хочешь, сходим с тобой в кино? Сейчас как раз классный фильм идёт в прокате. Мне друзья рассказывали. Дай мне свой телефон. Я узнаю, какие сеансы и в каком кинотеатре и позвоню тебе.

Глеб растерялся. Его ещё ни разу не приглашала в кино девушка, тем более такая красивая. Приглашал он, когда был студентом. А тут такой напор!

– А хочешь, сходим на выставку в Эрмитаж или в Русский музей. Ты любишь живопись?

Глеб неопределённо пожал плечами. Любит ли он живопись? Он не знал, даже как-то не задумывался над этим, но знал точно, что смотреть на картины даже самых знаменитых художников просто не сможет, когда рядом такая красавица. Уж лучше сидеть и смотреть фильм в тёмном зале кинотеатра.

– Можно в кино сходить. Я там уже сто лет не был.

Карина радостно заулыбалась, обежала его с другой стороны и подхватила под здоровую руку, увлекая в парковую аллею. Она рассказывала что-то незамысловатое, щебеча, как птичка. И от этого щебетания на душе становилось светло и тепло. И от её руки, уютно устроившейся в сгибе его локтя, прямо к сердцу шло тепло, наполняя душу предвкушением чего-то захватывающего, головокружительного.

Вечером того дня, когда Глебу сняли гипс, Карина пригласила его на рок-концерт, организованный на Дворцовой площади.

Они чуть не опоздали, прибежав на площадь почти бегом, с тревогой осматривая огромное пространство, подготовленное для концерта. Ближе к бело-зелёным зданиям Эрмитажа за Александровской колонной располагалась большая сцена. На огромных экранах по бокам сцены ещё демонстрировались рекламные ролики, но музыканты уже настраивали свои инструменты.

Пришлось выложить и поставить на специальный стол прихваченную с собой бутылку воды, проходя через пункт охраны. Строгие люди в чёрной форме не разрешали брать с собой бутылки. Карина недовольно нахмурила красивые брови, но промолчала, только потянула Глеба за собой, решительно протискиваясь мимо чужих спин и локтей.

Перед сценой уже стояла толпа. Изящные линии и краски Генерального штаба, Эрмитажа и Александровской колонны смотрелись странно рядом с разодетой по-рокерски толпой молодёжи. Глеб и Карина остановились между двумя небольшими группками ребят в кожаных косухах и банданах. С Невы дувал сильный холодный ветер так, что Глебу захотелось поднять повыше воротник куртки.

Вдруг первые аккорды электрогитары взорвали пространство площади. Сразу заложило уши. А толпа зашумела, задвигалась, радостными воплями встречая первого исполнителя.

– О-о-о-о!! – завопила Карина, подпрыгивая на месте, и ткнула своего спутника локтём в бок: – Ну, Глеб, не стой столбом! Это же тусовка, кайф!

Глеб только покосился на неё с усмешкой, оставаясь стоять «столбом», засунув озябшие руки в карманы. Но толпа вокруг постепенно начинала заводиться. Со сцены неслись ритмичные удары барабанов, заставляя сердце пульсировать в одном с ними ритме. От низких басовых звуков гитар в глубине тела начинало что-то вибрировать. Ноги сами собой пускались притопывать, приплясывать, распространяя энергичные импульсы по всему организму.

От хриплых, натужных голосов со сцены через микрофоны и динамики в толпу транслировалась такая мощная энергия, что вскоре тысячи ног уже ритмично топали по булыжникам площади, и целый хор нестройно подпевал каждому хиту.

Замёрзнув от пронизывающих порывов ветра с реки, Глеб тоже поддался всеобщему психозу и стал пританцовывать. Карина вилась вокруг него, отбивая ритм ногами и вскидывая вверх изящные руки. В облегающих точёную фигурку чёрных джинсах и чёрной курточке с ковбойской бахромой она была так хороша, что трудно было не любоваться ею. А когда со сцены зазвучала медленная тягучая мелодия, девушка прильнула к нему всем телом, обняв за шею, в медленном танце.

Он почувствовал её тёплое дыхание на своей щеке и осторожно обнял за талию. Пушистые каштановые волосы щекотали его шею. От запаха её духов кругом пошла голова, а от манящего, откровенного взгляда больших карих глаз в коленях появилась ватная слабость.

– Я ведь тебе нравлюсь, Глеб...

Она не спрашивала, она утверждала то, что и так было понятно.

– Угу, – только и смог выдавить Глеб, чувствуя, что тонет, тонет в этих глазах, как в бездонном карем омуте.

– Пошли отсюда. Надоело уже слушать этот грохот! – заявила красотка и потянула его за руку из толпы. Глеб не сопротивлялся.

Выбравшись на Невский проспект, они поймали такси и поехали в сторону её дома. Светлый майский вечер тонул в мягком сиянии придорожных фонарей. Всю дорогу Карина молчала, отвернувшись в окно. Но рука её при этом по-хозяйски лежала на бедре Глеба, то и дело нежно поглаживая джинсовую ткань, вызывая этим невинным движением лёгкую дрожь в глубине его тела.

Выйдя из такси у современного жилого комплекса, Карина взяла его за руку и потянула к подъезду, посмеиваясь:

– По всем правилам хорошего тона я теперь должна пригласить тебя на чашку чая, – сообщила она у самой двери, лукаво улыбаясь и не выпуская его руку из цепких пальчиков.

– А ты приглашаешь? – спросил Глеб, заглянув ей в глаза. Тёмная опасная бездна в их глубине влекла, манила и чуть-чуть пугала.

– Конечно, приглашаю! – и потащила бегом через обширный холл, украшенный мрамором, мимо сонного консьержа.

В лифте она перестала себя сдерживать и впиалась в его губы жадным поцелуем, вдавив спиной в зеркальную стену. И просторная кабина вдруг стала такой тесной, что трудно было дышать. Он бы, наверное, задохнулся, но лифт распахнул свои двери на пятом этаже. И оба, не разжимая объятий, вывалились в узкий коридор.

Карина нетерпеливо лязгала ключами, отпирая замки. А когда всё-таки вошли в квартиру, едва закрыв дверь, снова повисла у него на шее.

– Спальня там, – прошептала, мотнув головой в сторону и стаскивая с его плеч куртку.

– А может сначала чай? А то я замёрз как собака, – пробормотал Глеб неуверенно. События разворачивались слишком быстро, слишком яростно. Но кто ж устоит против урагана?

– Чай потом... Я такая горячая, Глеб, что легко тебя согрею... – и игриво прикусила его нижнюю губу зубками.

– Ты уверена? Ну, ладно, если ты такая смелая, – и засунул заледеневшие ладони ей под свитер, прижав их к обнаженной коже спины.

Девушка взвизгнула от ледяного прикосновения и громко захохотала, подпрыгнув и обвив его руками и ногами, как обезьянка дерево.

– Неси меня в спальню! – приказала, шепнув горячими губами в самое ухо.

Глеб подхватил её обеими руками под ягодицы и понёс по длинному коридору, чувствуя, как внутри уже разгораются, уже бегут по сосудам крошечные жаркие огоньки...

Глава 7

Помрачение рассудка

Зойка в третий раз набрала номер Глеба на телефоне. Но в ответ опять прозвучали безразличные монотонные гудки вызова, уносимые ветром в пустоту. «И где его черти носят? – сердито подумала она. – Почему трубку не берёт?». Она поправила на плече лямку своего рюкзака и пошла от метро в сторону знакомого блочного дома. Был вторник, и она возвращалась после занятий с репетитором по английскому.

Уже несколько раз Глеб встречал её у метро, и они шли неспеша через засыпающий парк к дому профессора, болтая обо всём на свете, как старые друзья. И Зойка с каждым разом всё раньше убегала от репетиторов, подгоняемая нетерпеливым сердцебиением, бессознательно пытаясь выгадать лишнюю минутку для общения.

Белые ночи набирали силу, и дома, деревья, люди и машины тонули в бесконечных жемчужных сумерках. Свет уличных фонарей не освещал, а только придавал улицам загадочности и романтизма. Казалось, что вдоль проспектов, поглощая разноцветные неоновые огни вывесок и реклам, вьётся воздушный призрачный шлейф длинного платья феи, медленно прогуливающейся по городу вдоль Невы.

Подойдя к третьему подъезду и привалившись спиной к стволу старой разлапистой липы, девушка подняла голову, отсчитывая четвёртое и пятое окно от угла дома. В комнате горел свет. Значит Глеб дома! Она снова набрала номер телефона, но на этот раз механический голос ей сообщил: «абонент временно не доступен или находится вне зоны действия сети»... Как это «вне зоны действия сети», если в окне горит свет? Отключил телефон или батарейка разрядилась?

В глубине души шевельнулась тревога. А вдруг с ним что-нибудь случилось? Заболел? Или его опять избили какие-нибудь отморозки? Да мало ли что могло произойти! Под машину попал... Но какая, к чёрту, машина, если свет горит в окне?

Терзаемая недобрым предчувствием, Зоя только собралась войти в подъезд и подняться на третий этаж, как в освещённом окне увидела силуэт. Это был Глеб! Он вытянул руку, собираясь задёрнуть шторы, но тут из глубин комнаты возник ещё один силуэт... высокой тоненькой девушки с пышными волосами. Незнакомка прильнула к Глебу, обвив изящными руками шею. Два силуэта слились в долгом поцелуе, так и не задёрнув шторы.

Что-то горячее, жгучее плеснуло из самого сердца Зойки, затопив щёки невидимой в сумерках краской, так, что даже ушам стало жарко. Она сглотнула застрявший в горле ком и вжалась спиной в ствол дерева, словно пыталась отодвинуться от увиденного. Лопатки сквозь матерчатую курточку ощутили все складки твёрдой древесной коры. А сердце пустилось в галоп, как обожжённая плетью лошадь. Зойка сжала зубы и, наклонившись, быстро подобрала с земли камушек, размахнулась, почти не прицелившись, и запустила в стекло. Промахнулась! Камень коротко чиркнул по бетонной стене и упал в куст шиповника под окнами. Но два силуэта в окне наконец оторвались друг от друга и, задёрнув шторы, исчезли в темноте.

– Что б ты сдох, Склифосовский, козёл! – звенящим от злости шёпотом прошипела Зойка себе под нос и, волоча в руке рюкзак, повернулась спиной к ненавистному окну и пошла быстрым шагом в сторону парка, вскоре скрывшись из глаз в тёмных в этот час, опасных аллеях.

Глеб наконец понял смысл выражения «крышу снесло». У него действительно снесло крышу от этой потрясающей девушки! Две недели реабилитации после снятого гипса растянулись в бесконечную череду гулянок, ночных клубов и крутого, безумного, сумасшедшего

секса. За две недели он всего три раза вспомнил, что ему надо ходить на массаж, а про физиотерапию вообще забыл напрочь. Он ни разу не зашёл в клинику, не позвонил своему учителю, не вспомнил про обещание, данное Зойке. Центр его вселенной парадоксальным образом сконцентрировался на единственной, самой обворожительной и сногшибательной девушке. А окружающая действительность воспринималась только под одним углом: как её можно было использовать для секса. Горизонтальные плоскости – диван, стол, подоконник. Вертикальные плоскости – душ, свободная стена в коридоре, боковина шкафа... Глеб превратился в дикое животное, живущее от одной волны безумного возбуждения до другой.

Первый звонок, вернувший его к действительности, был звонком шефа. Профессор в свойственной ему интеллигентной манере интересовался, почему Глеб пропустил без предупреждения консультативный приём в поликлинике? Глеб, внутренне похолодев, на ходу придумал какую-то глупую отмазку, просто нагло соврал своему гуру. Тот сделал вид, что поверил и вежливо попросил не забывать о том, что речь идёт о больных людях, которые ждут от него помощи.

Вернувшись на работу, Глеб стал так рассеян, что это заметили все. По утрам приходил сонным и заторможенным, с такими тёмными кругами под глазами, что некоторые из коллег не могли удержаться от скользких шуточек и замечаний. После работы в конце дня всё чаще уединялся в каком-нибудь тёмном уголке, прижав к уху телефон. И срывался с места и убегал, едва шеф произносил: «на сегодня всё».

В конце концов Леденёв не выдержал и попросил Глеба задержаться, отпустив всех остальных после работы.

Профессор выглядел осунувшемся и печальным.

– Да что с вами происходит, мальчики-девочки мои? Зоя как с цепи сорвалась! Огрызается на каждое моё слово, дерзит, целыми днями с какими-то подружками якшается, к репетиторам ходить забросила. На силу отправил её в летний лагерь. И тебя, Глеб, как подменили! Я, конечно, понимаю, молодость, к развлечениям тянет, девушки красивые вокруг ходят. Но также нельзя, Глеб! У тебя скоро нервное и физическое истощение наступит. Любишь эту девушку – женись, заведи семью! И тебе и окружающим спокойнее будет. Согласен, каждый человек имеет право на личную жизнь. Но личная жизнь не должна мешать работе, особенно если эта работа связана с больными людьми. Глеб, если из-за тебя пострадает хоть один больной, даже я тебя жалеть не стану, потому что это преступление. – И посмотрел на Глеба такими глазами, что у того всё в душе перевернулось.

– Просите меня, Алексей Иванович, – пробормотал Глеб, пряча глаза. – Это больше не повторится.

– Надеюсь, друг мой, надеюсь, – кивнул совершенно седой профессор. – А теперь иди, и чтобы с утра в понедельник был отдохнувшим, выспавшимся и готовым к трудовым подвигам!

Глеб шёл домой и прокручивал в голове слова шефа. Жениться на Карине?.. Ему даже в голову такая мысль не приходила и вовсе не потому, что Карина была не достойна его. Скорей уж наоборот! Дочь состоятельных родителей, ни в чём не знающая отказа, красивая, избалованная, могущая устроить экскурсию по всем ночным клубам и кабакам Питера, живущая под девизом «Бери от жизни всё!» была полной ему противоположностью. Он до сих пор не мог понять, чем ей приглянулся обычный молодой доктор с бюджетной зарплатой в кармане?

Одним взглядом, звуком своего голоса, запахом своей кожи она вызывала в нём бешеное возбуждение. И это физическое влечение было мучительным и острым, выматывающим не только тело, но и душу, отупляющим мозг. Единственное, чего он не хотел, так это жениться на Карине... Смутная, не облакаемая в слова догадка бродила в голове, предупреждая, что именно такие женщины, как Карина, способны превратить жизнь в яркую, но короткую вспышку, выпить, высосать из мужчины все жизненные соки и пойти дальше, оставив его

совершенно пустым и ненужным, как сухую шкурку от мухи, болтаться в липкой, колеблемой ветром, паутине.

С этого дня Глеб стал отключать телефон и убирать его в нижний ящик своего стола, когда приходил на работу. И если на следующий день ему предстояла сложная операция, он отказывался от встречи с Кариной, неизменно натываясь на вспышку раздражения.

Июль пришёл на берега Балтики в плохом настроении. Он то хныкал мелким, сереньким, почти осенним дождиком, то закатывал истерику, обрушивая на город шумные ливни под аккомпанемент сердитых грозовых раскатов. В редкие сухие дни было прохладно и ветрено. И лёгкие, летние платья и сарафаны питерских модниц так и пылились в шкафах за ненадобностью. А в середине дня по улицам и площадям снова рассыпались разноцветным конфетти купола зонтов.

Карина с раздражением бросила трубку. Глеб в очередной раз сорвал свидание, заявив без тени раскаяния, что устал после тяжёлого дежурства и хочет выспаться. Вот наглец! А между тем не виделись они уже три дня. Тяга к этому странному типу и бесила и удивляла Карину. Ну что она в нём нашла? Ни кола, ни двора, нищий, как церковная мышь, да и красавцем в общепринятом смысле слова назвать трудно.

Она вспомнила, как впервые увидела его в больнице, в тот день, когда сопровождала отца на госпитализацию. Астахов вышел из оперблока в зелёной хирургической робе, в такой же шапочке и, усталым жестом сняв с лица маску, прошёл мимо неё по коридору, даже не заметив, словно она была прозрачной. Может это его безразличие так задело за живое, может что-то ещё, но в тот момент он показался ей таким невероятно красивым, сосредоточенным, целеустремлённым, значительным, словно был облачён не в мешковатую бесформенную робу, а в космический скафандр, и шёл по больничному коридору твёрдым, уверенным шагом, как космонавт по космодрому.

Острое желание заполучить этого космического пришельца иглой пронзило сердце и не оставляло до сих пор. Заполучить то заполучила, но не было ощущения безграничной власти над ним. Всё время казалось, что если она психанет из-за его упёртости и упрямства, развернётся и уйдёт, то он забудет о ней уже на следующий день. А если не забудет, то будет помнить, как незначительный эпизод в своей жизни. А она, Карина, не могла быть незначительным эпизодом ни в чьей жизни!

Глеб Астахов совсем не походил на тех, с кем ей приходилось общаться всю жизнь. Богатые, красивые, холёные, избалованные мальчишки, которые и в двадцать пять и в тридцать, и в сорок лет всё равно оставались мальчишками, приелись и раздражали своей капризной инфантильностью. Глеб в свои 26 хорошо знал, чего хочет в жизни, у него была четко очерченная, глубоко осознанная цель, к которой он шёл спокойно и уверенно. И это чувствовалось на расстоянии! В нём была какая-то цельность личности, какое-то ядро, словно золотой самородок, скрытый в куске простенькой, невзрачной на вид породы. И это ядро притягивало, как магнит.

подавив в зародыше вспышку раздражения и злости, Карина быстро собралась, и сама поехала к Глебу домой. Она не любила оставаться в его квартире, слишком скромной, аскетичной, если не сказать нищенской, казалась её обстановка: диван, шкаф, письменный стол, да два стеллажа с книгами. Но если гора не идёт к Магомеду...

Карина заехала в магазин и купила торт и бутылку шампанского. Он устал, значит сладкое и алкоголь помогут расслабиться.

На звонок долго никто не откликнулся, так, что она уже собралась уходить, совершенно расстроившись. Наконец щёлкнул замок и дверь открылась. Глеб стоял на пороге полуголый, в одних спортивных штанах, сонный и растрёпанный. Карина окинула его оценивающим взглядом. Ей нравилось его тело – сухое, поджарое, без единой капли лишнего жира, тело мара-

фонца, способное вынести невероятные нагрузки, но не бросающееся в глаза гипертрофированной мускулатурой.

– Привет, дорогой! – улыбнулась тепло и радостно.

– Привет. Всё-таки приехала?

– А ты думал я брошу тебя одного замученного, усталого, после этого твоего дежурства?

Она прошла в квартиру, так и не дождавшись приглашения, и сразу на кухню, шурша пакетом с угощением.

– Смотри, что я принесла! Твой любимый шоколадный торт. И шампанское.

Глеб вздохнул и потёр лицо обеими ладонями, отгоняя сонливость.

– Карин, я же сказал, что чертовски устал и хочу спать.

– Миленький мой, а кто тебе спать не даёт? Вот сейчас выпьем шампанского, съешь кусочек торта – и спи себе на здоровье.

Она суетилась на кухне возле плиты, готовя чай и нарезая торт. Глеб сидел, устало прислонившись к стене и прикрыв глаза, словно спал сидя. Нет, она не могла позволить ему вот так заснуть.

Карина заварила чай покрепче, чтобы он проснулся, стряхнул с себя сонную дрему. А после чая приступила к главному.

– Правда вкусно, Глеб?

– Правда, – кивнул он и посмотрел на неё тусклым, сонным взглядом, – пойду я спать, ладно?

– Ну какое спать, солнышко? – не могла она допустить, чтобы он спал в её присутствии! Это оскорбляло, задевало что-то в глубине души.

Карина гибким кошачьим движением села к нему на колени и впиалась поцелуем в губы. Она целовала долго, страстно, глубоко. Она прижималась к нему объёмной грудью, поёрзала на его коленях для пушей убедительности. И он, конечно, не смог остаться равнодушным. Никто, никогда не мог остаться к ней равнодушным! Зарывав то ли с досадой, то ли с раздражением, Глеб не выдержал, подхватил её на руки и понёс в комнату...

Карина торжествовала победу! Она чувствовала себя Дианой-охотницей, загнавшей зверя в хитрую ловушку. Вот так вот, Глебушка, ни куда ты от меня не денешься! Она провела острыми, покрытыми красным лаком ноготками по его груди и прислушалась: в сумрачной тишине комнаты раздавалось спокойное сонное дыхание.

– Глеб, ты что спишь? – удивилась Карина и подняла голову от его плеча.

Глеб спал, блаженно смежив веки и расслабленно откинувшись на подушку. Какое хамство! Карина решительно потрясла его за плечо:

– Глеб, проснись немедленно! Я хочу продолжения! Мне одного раза мало.

Ресницы дрогнули, но глаза он не открыл. Сонно вздохнул и пообещал вялым голосом:

– Я сейчас поплю немного, Карин, а потом будет тебе продолжение.

– Немного, это сколько? Часика три-четыре? А мне что прикажешь делать, пока ты спишь?

Глеб не реагировал, провалившись в глубокий сон. И это вконец взбесило Диану-охотницу. Она вскочила с постели и стала нервно натягивать на себя одежду. Вскочила в кухню, схватила со стола так и не открытую бутылку шампанского. Долго мучилась с пробкой, теряя терпение. Наконец откупорила и поднесла горлышко к губам. Пенная жидкость плеснула мимо рта, залив липкой, сладкой пеной подбородок и шею.

– Тьфу ты, чёрт!! — девушка злобно выругалась, проклиная незадачливого любовника. – Всё из-за тебя, Астахов!

Пришлось идти в ванную и умываться. Но красивая модная блузка оказалась безнадежно испорчена, заляпанная мокрыми жёлтыми пятнами. В душе бурлила злость и обида.

Завела себе любовничка! То он устал после дежурства, то ему завтра на дежурство и будет сложная операция. Никаких тебе ресторанов, никаких ночных клубов и дорогих подарков. Да и в постели – одно разочарование. Отвалился и вырубился после первого же раза и спит, как сурок. Какого чёрта она за него цепляется?! Ему же кроме хирургии ничего в жизни не нужно. Вот и пусть трахается со своей хирургией! А с неё хватит!

Она решительно направилась в комнату, склонилась над спящим и стала грубо трясти его за плечо.

– Глеб, проснись, немедленно!

Он проснулся и обречённо вздохнул, приоткрыв левый глаз:

– Ну что ещё, Карина?

– Я ухожу от тебя! С меня хватит! Больше не звони мне и не приезжай. Понял?

Глеб ленивым движением повернулся на другой бок, к ней спиной и пробурчал:

– Угу. Дверь за собой захлопни.

Карина сжала кулак, еле сдержав себя, чтобы не ударить по этой наглой сонной роже, развернулась и ушла. А дверью хлопнула так, что со стены посыпалась штукатурка.

Глеб открыл глаза, уставившись немигающим взглядом в комнатный сумрак. Спать совершенно расхотелось. За окном мелькали, чередуясь, полосы света и тени. «Деревянный...» – подумал про себя Глеб и вспомнил, как несколько дней назад вернувшаяся из лагеря Зойка с видом победителя школьной олимпиады заявила ему по секрету, что переспала с каким-то парнем.

– И что? – хмыкнул Глеб. – Я тебя поздравить должен или посочувствовать? Что-то я не понял по выражению твоего лица.

Девчонка сверкнула на него острыми голубыми глазами и сказала:

– Ты совсем деревянный, Склифосовский, просто напрочь, – и ушла.

Глеб лежал на диване, закутавшись в одеяло и думал о том, что, видимо Зойка права, он и правда деревянный, потому что ничего не чувствует. От него ушла любимая женщина, а он ничего не чувствует, совершенно ничего, ни боли, ни обиды, ни раскаяния. Или вместо сердца у него кусок дерева или эта женщина никогда и не была любимой?.. А Зойка дура, невероятна дура всё-таки!..

Глава 8

Вестник смерти

Сева Ярцев вернулся поздней осенью. В отделении кардиохирургии сразу заметили заграничный лоск, появившийся на их молодом коллеге. Сева задрал нос и смотрел на всех свысока, постоянно давая советы, даже если никто его об этом не просил, и в своей речи всё время использовал присказку: «а вот в Америке...» Из-за этого за глаза его стали шутливо называть «мистер». И короткое, но ёмкое словечко так подошло к нему, что кликуха приклеилась намертво.

Юный ординатор Лёня Рыбаков смотрел на счастливого, побывавшего у самого легендарного Хармонда, с открытым ртом. Старшие коллеги посмеивались про себя и пропускали мимо ушей Севкину напыщенную болтовню, а некоторые раздражались. Глеб слушал избирательно, стараясь вычленив из потока бахвальства и откровенного хвастовства что-то важное, связанное с профессией. А Станислав Геннадьевич Разгуляев, отвечавший за составление графика дежурств, однажды схлестнулся с Ярцевым.

В уже составленном графике на январь Сева взял и вычеркнул карандашом своё субботнее дежурство, приходящееся на праздничный день.

– А ты чего это, Сева, – робко спросил Лёня, рассматривая график, – не хочешь дежурить в субботу?

– Не хочу и не могу, – пропел Сева слова из песни. – У меня на этот день свидание назначено. А в Штатах вообще по выходным только мелкие сошки вроде ординаторов дежурят. Серьёзные люди в выходные дни должны отдыхать. Так что, Лёнчик, вот ты и подежурь вместо меня в этот день.

Сева снисходительно похлопал младшего товарища по плечу и собрался выйти из ординаторской, но вмешался Станислав Геннадьевич. Он строго взглянул на Севу из-под нахмуренных бровей и отложил в сторону пачку историй своих пациентов. Почти квадратный, с бычьей шеей, доктор Разгуляев и так – то всегда выглядел внушительно, а тут глянул угрожающе и загудел сочным басом:

– Знаешь что, Всеволод Борисович, придётся тебе перенести свидание. Если хочешь, выдам тебе оправдательную справку для твоей девушки. Но в субботу ты будешь дежурить, а не Рыбаков. Он пока молод для самостоятельных дежурств. А вот тебе не мешает слезть с Олимпа.

– Что вы хотите этим сказать? – Ярцев с вызовом вскинул правую бровь.

– А то, друг мой, что стажировка в Америке не даёт тебе никаких преимуществ перед остальными, скорее, наоборот, повышает ответственность. Я в своё время тоже стажировался и в Америке, а потом и в Германии, и в Израиле, однако же, как все впрягаюсь в общую упряжку и тяну изо всех сил. Так что не звезды, Сева, а работай, и желательно молча.

Сева побледнел так, что присутствовавшая при разговоре медсестра Леночка собралась было бежать за нашатырём. Но Ярцев сумел взять себя в руки, достал карандаш, перечеркнул сделанную только что запись в графике, и молча вышел.

Сева ругал себя последними словами за то, что позволил так глупо, так примитивно гордыне взять верх над разумом. Он же прекрасно понимал, что ссориться с Разгуляевым опасно. Тот был вторым человеком по значимости после профессора Леденёва, а в клинике вообще был главным.

Но неприятности, как известно, ходят парами. Сева благоразумно прикусил язык и старался меньше попадать на глаза Разгуляеву. Да и было на что переключить своё внимание: Всеволод как раз познакомился с очаровательной девушкой с волшебным именем Татьяна...

Юрист по образованию, Татьяна работала в компании своего отца, крупного бизнесмена, была не только красива, но и умна, образована, лихо водила дорогую иномарку и отличалась независимым нравом.

Всеволод сидел за своим столом в ординаторской, писал историю болезни очередного пациента, а сам то и дело поглядывал на часы. Через час они с Танечкой договорились встретиться в кафе после работы. Опаздывать было никак нельзя, поэтому Сева торопился.

Расписывая капельницу для послеоперационного больного, только что переведённого из реанимации, он раздумывал о совместных выходных со своей новой подругой. Его бы вполне устроил номер в приличном отеле с большой двуспальной кроватью, но Таня была заядлой туристкой и всё тянула его то в лес с палатками, то на каких-то байдарках. Нет, он, конечно, выдержал бы и поход, и ночёвку в палатке в спальном мешке. Вот только после пары десятков километров по лесным тропам с тяжеленным рюкзаком за плечами вряд ли бы ему хватило сил на романтическую ночь под звёздами, окажись они в одной палатке. Надо было искать компромисс. Сева тщательно обдумывал идею с небольшим коттеджем на турбазе где-нибудь в Карелии, на берегу озера, а рука сама собой выводила на листе привычные латинские названия лекарственных препаратов с дозировками и способами введения.

Закончив с оформлением документов, Сева быстро собрался, бросил историю болезни дежурной медсестре и умчался на свидание.

Окрылённый многообещающим поцелуем у дверей квартиры девушки, куда он доставил Татьяну после свидания, и полученным согласием на отдых на турбазе в Карелии, Ярцев шёл утром следующего дня на работу, и душа его была полна романтического флёра, а не тревожных предчувствий.

– Всеволод Борисович, – встретила его у дверей отделения медсестра Леночка, дежурившая в ту ночь, – ваш больной Шапошников в реанимацию попал.

Сева остановился и растерянно захлопал глазами.

– А что случилось? Он же был в полном порядке после операции.

– Да, был. А ночью чуть не умер. Вы с Глебом Александровичем поговорите. Это он его откачивал и реаниматологов вызывал.

В глубине сердца задрожала тревожная струнка, отчего всё тело напряглось и стало скованным, деревянным. Голова втянулась в плечи, ладони взмокли. Сева поспешил в ординаторскую.

– Глеб, что с Шапошниковым стряслось? – спросил он, забыв поздороваться и бросая портфель на стул возле стола.

– А это у тебя надо спросить, – Астахов посмотрел на него хмуро: под глазами темнели круги – следы трудного дежурства. – Сева, ты совсем охренел назначать дозу препарата, десятикратно превышающую обычную?

– Что?..

Сева рухнул на соседний стул, вдруг почувствовав дикую слабость в ногах. Что он там напортачил с лекарствами?..

– На, смотри! – Астахов сунул ему под нос историю Шапошникова с им же самим расписанной капельницей. – С какого перепуга ты ноль приписал к единице? Здесь один миллилитр должен быть, а не десять. Шапошников твой и так гипотоник, а на десяти миллилитрах ты ему коллапс устроил. Слава богу ребята из реанимации успели, а то мог бы уже умереть. Разгуляев тебя задушит собственными руками. И будет прав! Ты о чём думал, Сева, когда писал эту галиматью?

Сева поднял на злого и расстроенного товарища испуганные глаза.

– Не знаю, Глеб... Это какая-то ошибка... Я же сотни раз назначал этот препарат и никогда не путал дозировки... Это недоразумение, – голос его дрожал, и точно такая же противная дрожь появилась в животе, словно кто-то дёргал за ниточку, привязанную к желудку.

Сева бросил взгляд на циферблат старых часов, висевших над дверью в ординаторской. До ежедневной пятиминутки, с которой всегда начинался рабочий день, оставалась четверть часа. Сейчас придут все, в том числе и Разгуляев, который и так-то к нему не испытывает особой симпатии...

– Как сейчас Шапошников? – выдавил из себя Всеволод.

– Живой на твоё счастье.

Астахов тяжело вздохнул и отвернулся к окну, а Сева вцепился в его рукав и торопливо заговорил:

– Глеб, дружище, я тебя очень прошу не говори ничего Разгуляеву! Он же меня убьёт, просто четвертует. Ты же знаешь, как он ко мне предвзято относится.

– Ты мне врать предлагаешь? – нахмурился Глеб, с трудом вырвав руку из скрюченных пальцев Ярцева.

– Нет, что ты! Просто промолчи, пожалуйста, я тебя очень прошу! Мало ли по какой причине у больного могло упасть давление? А в истории я подправлю, уберу этот злополучный ноль. Ты же понимаешь, что я случайно, я не специально, просто перепутал. Это точно больше не повторится, богом клянусь! Я теперь по десять раз буду перепроверять каждое назначение.

По лицу Астахова Сева видел, что тот колеблется. К ошибкам в лечении здесь, на отделении, относились очень серьёзно, устраивали клинические разборы. Если больной умирал, а выставленный диагноз расходился с диагнозом посмертным, то на разбор приглашали патологоанатомов, совместными усилиями пытались найти причину гибели пациента. Врач мог что-то упустить, неправильно трактовать симптом, вовремя не распознать осложнение. Но чтобы перепутать дозировку лекарства... Такого не было никогда.

– Севка, ты понимаешь, что мог убить человека?.. – тихо спросил Глеб после бесконечной минуты молчания. Сева потупился и кивнул, покаянно опустив голову.

– Неужели ты выдашь старого друга? – прошептал он, не решаясь взглянуть на Глеба. – Меня же с позором выкинут отсюда... Можно будет уходить из медицины... Это конец, Глеб, для меня конец. Я прошу тебя...

Смотреть на испуганного, униженно выпрашивающего пощады друга было невыносимо.

– Чёрт бы тебя побрал, Ярцев! – выругался Глеб и с досадой стукнул кулаком по столу. – Внимательнее надо быть, когда пишешь назначения. А у тебя в голове одни гулянки. Когда уже нагуляешься и успокоишься?

За дверью послышались голоса, шаги. Глеб вздохнул, пододвинул к старому товарищу историю болезни и сказал:

– Ладно, бог с тобой! Быстро исправляй, пока историю не забрали реаниматологи. А Разгуляеву я ничего не скажу. К счастью, Шапошников жив, скоро совсем оклемается.

– Спасибо, Глеб, ты настоящий друг!

Сева схватил историю и стал быстро вымарывать злополучный ноль, пытаясь счистить чернила острием старого, давно валяющегося в столе скальпеля. Ещё одну службу сослужил хирургический инструмент, спасая человеческую жизнь, на этот раз врача, а не больного.

Шёл четвёртый час операции. У Глеба ныла поясница и затекла шея. Но он этого не замечал, сосредоточившись на работе рук до такой степени, что перестал слышать все посторонние звуки, кроме тихого ритмичного шуршания аппарата искусственной вентиляции легких и слов профессора, которые тот периодически ронял, давая указания своему ассистенту. Бестеневая лампа бросала яркий круг света на хирургический стол, на ограниченную салфетками операционную рану, в глубине которой билось и пульсировало человеческое сердце. Для Глеба за гра-

нищами этого круга света не было ничего, будто весь мир сосредоточился на точных, ювелирно выверенных движениях инструментов в руках хирургов. И ему казалось, что он чувствует, как под его пальцами едва заметно подрагивает тонкая, как паутинка, невидимая ниточка жизни.

Вдруг Леденёв как-то прерывисто вздохнул и произнёс:

– Давай, Глеб, заканчивай сам. Осталось немного. Пусть тебе Лёня поможет, а я пойду. Что-то мне нехорошо. Давление, наверное, поднялось.

Глеб вскинул на профессора встревоженный взгляд и заметил нездоровую бледность и мелкие бисеринки пота на лбу Старика. Глаза над маской казались бесконечно уставшими.

– Хорошо, Алексей Иванович, я всё сделаю, идите, отдыхайте.

Старик ушёл, устало опустив руки в окровавленных перчатках. Глеб не позволил себе отвлекаться на переживания, сосредоточился на работе. Но в глубине души затаилась тревога.

А когда операция закончилась, едва успев снять халат и перчатки и сполоснуть руки под краном, выскочил в коридор и бегом понёсся в кабинет профессора.

У него сердце дрогнуло и тревожно застучало, когда он увидел распахнутую настежь дверь кабинета и толпящихся там людей. Подбежал, заглянул внутрь через плечи и головы: ребята из реанимации укладывали Старика на каталку, тот был бледен и держался рукой за сердце.

– Нина, что происходит? – выцепил он из толпы дежурную медсестру.

– Ой, Глеб Александрович, говорят у Алексея Ивановича обширный инфаркт! – девушка в белом форменном брючном костюме подняла на него испуганные глаза. – Он как к себе вошёл, шатаясь, я сразу побежала следом, уложила на диван, достала его таблетки, которые он обычно принимает, померила давление. А давление невысокое, даже наоборот. Вижу, что ему совсем плохо, позвонила в реанимацию. Ну, а они уже ЭКГ сняли...

– Молодец, Нина, ты всё правильно сделала, – Глеб кивнул и отодвинул сестричку в сторону, прошёл в кабинет.

Командовал заведующий реанимацией Сергей Петрович, высокий, худой, похожий на Дон Кихота своей седоватой острой бородкой. Уже поставили капельницу и прикрыли грузное профессорское тело простыней, закрыв круглые отметины от электродов на его груди.

– Как вы, Алексей Иванович? – протиснулся Глеб мимо реаниматологов и взял за руку учителя. Рука была вялой и холодной.

Леденёв открыл смеженные мукой глаза и улыбнулся слабой, дрожащей улыбкой.

– Видишь, как всё получилось, Глебушка... Не успел я тебя вывести в люди, не успел. Прости...

– Вы о чём, Алексей Иванович? – Глеб сильнее сжал слабую ладонь профессора, бессознательно пытаясь поддержать, удержать.

Санитары с трудом развернули каталку в тесном помещении и стали вывозить больного в коридор.

– Сынок, позаботься о Зое, – еле слышно прошептал Леденёв, бросив на ученика умоляющий взгляд. – Пропадёт она одна, пропадёт...

– Всё будет в порядке, Алексей Иванович, не волнуйтесь! – Глеб, не выпуская руку Старика пошёл следом, отталкивая по пути растерянных коллег, медсестёр, больных. – Сейчас вам ребята в реанимации капельницу прокапают, а я рентген-операционную подготовлю, сделаем коронарографию, поставим стенты и всё. Через пару часов будете как новенький! Вы главное не волнуйтесь. Всё будет хорошо!

Он хотел идти с учителем дальше, в реанимацию, но кто-то взял его за плечо и остановил. Глеб обернулся.

– Ты-то куда намылился, Астахов? – спросил Сергей Петрович. – Там наша территория.

– Большой инфаркт? – задал вопрос Глеб, чувствуя, как что-то сжимается в области солнечного сплетения от мрачного выражения лица собеседника.

– Огромный. Полсердца. – Сергей Петрович коротко вздохнул. – Про прогноз не спрашивай. Я не господь бог и не гидрометеоцентр, прогнозов не даю. Но всё весьма хреново.

Заведующий реанимацией быстрым шагом последовал за дребезжащей каталкой по коридору. Глеб на секунду замер, обдумывая его слова, но тут же бросился следом.

– Сергей Петрович, так я готовлю операционную для коронарографии и стентирования?

– Да погоди ты со своей коронарографией! Нам его сначала стабилизировать надо, – и ушёл.

А Глеб стоял, растерянно опустив руки, и с болью в сердце вслушивался в жалобно-дребезжащий звук заднего колеса старой, разболтанной каталки, удаляющейся по коридору. И в голове у него крутилась глупая, ненужная мысль: «Университетская клиника, а каталки древние, доисторические. Неужели нет денег купить новые?»

Пребывать в неведении и ждать, ждать, ждать было слишком тяжело, поэтому Глеб всё-таки принялся за организацию предстоящей операции. Он собрал бригаду, настоял на переносе уже запланированных коронарографий. Другие больные могли немного подождать. А сам минут через сорок пошёл в реанимацию, справиться о состоянии пациента.

В коридоре за дверью с надписью «Реанимация» столкнулся с Сергеем Петровичем.

– Ну как он? – попытался заглянуть в непроницаемые глаза врача.

– Плохо, Глеб... Умер Алексей Иванович. Я как раз шёл сообщить вам об этом. Началась фибрилляция желудочков. Мы ничего не смогли сделать.

У Глеба всё похолодело внутри, а руки сжались в кулаки до боли, так, что побелели суставы.

– Как умер?.. – он не узнал собственный голос. – Вы что, Сергей Петрович?.. Я же операционную уже подготовил. Мы же сразу сделали бы коронарографию и стенты поставили... Как же так?..

Сергей Петрович только тяжело вздохнул, посмотрел на Глеба сочувственно и тронул его за плечо.

– Иди к нему, пока его не увезли в морг, попрощайся, – и легонько подтолкнул к двери в палату.

В просторном помещении, рассчитанном на три койки, было сумрачно. Лампы на потолке не горели, не светились индикаторы ни одного прибора жизнеобеспечения. Только тусклый вечерний свет лился через большое окно с не закрытыми жалюзи. Глеб медленно, преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, словно душа не желала верить в происходящее, подошёл к крайней койке, на которой лежало что-то большое и тёмное, укрытое простыней.

Он остановился у изголовья и замер, не замечая, что кусает губы до крови. В глубине души разрасталась чёрная дыра. Он медленно потянул за краешек простыни...

Лицо Старика было мертвенно бледным и удивительно спокойным, даже умиротворённым. Глеб судорожно вздохнул и поднял взгляд, уставившись в тёмный потолок, не давая пролиться из глаз жгучей влаге. Спустя бесконечно долгую минуту всё-таки сумел совладать с рвущимся из горла то ли стоном, то ли всхлипом, положил руку на холодное, неживое плечо учителя и сдавленно прошептал:

– Простите, Алексей Иванович, простите.

Резким движением вернул простыню на место и быстро вышел из палаты. В коридоре толпились реаниматологи. Несколько пар глаз уставились на него с немимым вопросом, но Глеб прошёл мимо, не сказав ни слова.

Весть о смерти профессора порывом злого ветра пронеслась по этажам и коридорам. Когда Глеб вошёл в ординаторскую, там уже собрались все, кто долгие годы работал со Стариком. Лица были застывшие, потрясённые.

Глеб молча подошёл к окну. Внизу расстился заметённый снегом больничный сквер. Всё было белым: заснеженные кроны деревьев, дорожки, превратившиеся в сугробы скамейки, машины на парковке, одинокие прохожие, торопящиеся пройти через сквер и нырнуть в тепло... Белым, как саван... А в ординаторской повисла такая тишина, что трудно было дышать.

Наконец с тяжёлым вздохом нарушил это тягостное для всех безмолвие Разгуляев.

– Надо как-то родным сообщить, и, думаю, лучше не по телефону.

– Конечно, не по телефону, – поддакнул Сева.

– Глеб, – Станислав Геннадьевич поднял глаза на застывшего у окна Астахова, – мне кажется, лучше это сделать тебе. Ты же был вхож в его семью. Да и относился Старик к тебе как-то по-родственному.

– Да, конечно, – выдавил из себя Глеб хрипло, точно в горле у него всё пересохло, – сейчас пойду.

Народ ещё посидел минут пять и потянулся из ординаторской, оставив Глеба в одиночестве собираться с силами. В этот день отменили все плановые операции, потому что ни один врач, ни одна медсестра были не в состоянии выполнять привычную работу. Растерянность и чувство вины скорбным холодком поселились в душе каждого, мешая думать, мешая сосредоточиться, заставляя руки дрожать. Отделение кардиохирургии застыло и съезжилось, как потерявший хозяина щенок.

Глеб собирался минут сорок. Голова была пустой до звона, а в ногах скопилась странная тяжесть, так что каждый шаг давался с трудом. Руки утратили привычную ловкость, и он долго боролся с пуговицами рубашки, переодеваясь. Говорят, что в древние времена гонца, принесшего недобрую весть, принято было убивать. И Глеб был бы рад, если бы этот обычай вернулся. Сказать Зойке и Катерине Васильевне то, что он должен был сказать, и остаться после этого в живых... Лучше умереть.

Провожаемый взглядами коллег, он шёл по коридору к выходу с отделения, словно на эшафот. Приговор вынесен, обжалованию не подлежит. Все ему сочувствовали, но никто, ни одна живая душа не желала взять на себя бремя этой тяжкой обязанности. И Глеб шёл вперёд один...

Он вышел на улицу и задохнулся от ударившего в лицо стылого январского ветра. Закрыв глаза и ощущая удары колких ледяных игл, он постоял, постоял и пошёл по аллее сквера. Глеб знал, что за ним наблюдают, прильнув к окнам, все, кто в этот день оказался на отделении. Он чувствовал эти взгляды спиной, ощущая, как вдоль позвоночника медленно ползут мурашки. А мысли его, тяжёлые, мрачные, были обращены вперёд, сквозь заснеженные парковые аллеи, где в старом доме две одинокие женщины ждали возвращения Старика.

С трудом переступая по занесённым снегом дорожкам парка, Глеб дошёл до одинокой скамейки, сиротливо застывшей под разбитым фонарем, и сел. Фонари в парке уже зажглись, а этот не горел, пряча в сумраке сторбленную в скорбной позе фигуру.

Глеб облокотился на собственные колени и уронил лицо в ладони. Боль, теснившаяся в груди, так долго сдерживаемая под сочувствующими взглядами коллег и друзей, наконец прорвалась наружу отчаянными, горестными всхлипами. Снег, мелкий, колючий, злой, засыпал вздрагивающие плечи. А между пальцев скатывались, стекали горячими ручейками то ли слёзы, то ли растаявшие снежинки. Здесь, на продрогшей зимней скамейке он всем своим существом прочувствовал, осознал, что Старика, доброго, мудрого, родного до боли в сердце, его Старика больше нет. Никто не позовёт его после долгого и трудного рабочего дня попить чайку и поговорить по душам. Никто не будет учить его уму-разуму, делаясь гигантским жизненным опытом. Никто и никогда уже не скажет ему: «сынок»... Вернулось позабытое ощущение сиротства и накрыло его с головой...

Немного успокоившись, Глеб выпрямился, набрал полную пригоршню снега и протёр им лицо. Жгучее ледяное прикосновение встряхнуло, привело в чувство. Он встал и решительно зашагал по пустынной аллее к дому профессора.

Шаги по лестнице отдавались в ушах звуком метронома. Трель звонка пробила оцепеневшее сознание, и следом потекла лавина звуков: шаги за дверью, шаркающие, старческие, скрип половиц, лязганье замка, звон ключей. Дверь распахнулась.

– О, Глебушка, проходи! – радостно воскликнула Катерина Васильевна, не обратив внимания на выражение лица гостя и пропуская его в квартиру. – А где Алексей Иванович?

Глеб застыл, прислонившись спиной к холодной дверной створке, вдохнул побольше воздуха и произнёс:

– Нет больше Алексея Ивановича. Умер. Сегодня. После операции... Инфаркт.

Добрая волшебница только охнула и зажала рот пухлой ладошкой. Из-за стёкол круглых очков она потрясённо таращилась на Глеба.

Глеб не мог смотреть в эти глаза и стал стаскивать с себя куртку, повернувшись боком. Растаявший снег на тёмной ткани пуховика сверкал бриллиантовыми холодными искрами.

Разувшись и повесив куртку на вешалку, Глеб пошёл в комнату Зои, оставив пожилую женщину всхлипывать и вздрагивать в коридоре.

Он вошёл не постучавшись, просто забыв о правилах приличия, вошёл и замер у порога. Зойка делала уроки за столом и подняла удивлённый взгляд голубых, холодных глаз.

– А стучаться тебя не учили, Склифосовский?! – фыркнула недовольно, но наткнулась на его тёмные, полные боли глаза и медленно встала из-за стола. – Что случилось?.. Где папа?

– Он умер, Зоя, от инфаркта два часа назад...

Она не узнала его голос, такой хриплый, сдавленный, будто он говорил с петлёй на шее. И этот взгляд, этот голос отчего-то притягивали, звали к себе. Зоя медленно подошла к оцепеневшему в ожидании Глебу и остановилась в шаге от него, пристально всматриваясь в глаза, точно пыталась рассмотреть что-то на самом доньшке его души.

– Ты чего несёшь, Склифосовский? Что за бред?! Где папа?! – и вцепилась скрюченными пальцами в ворот его рубашки.

– Нет больше папы, Зайка...

И глаза его стали наполняться слезами, как озёра в весеннее половодье. И от этих глаз стало так страшно, что Зойка затрясла его со всей отчаянной силой.

– Что ты несёшь, придурок?! Как можно умереть от инфаркта на кардиохирургическом отделении? Ты совсем охренел? Вы же там как раз и поставлены, чтобы людей от инфарктов спасать! А ты где был, сволочь?! Ты почему его не спас?! Зачем ты вообще там торчишь в этой клинике, если ни черта не умеешь?!

Слёзы потекли по её побледневшим щекам, а голос сорвался на крик. Она отцепилась от его воротника и стала отчаянно молотить кулачками по плечам, по груди. Глеб не сопротивлялся, принимая удары, как заслуженную кару.

– Я тебя ненавижу! – кричала Зойка, захлёбываясь слезами. – Это ты, ты во всём виноват! Ненавижу!..

Глеб, словно внезапно очнувшись и выйдя из странного оглушённого состояния, вдруг схватил Зойку в охапку и прижал к себе с такой силой, что она пискнула и забилась в его руках, как пойманная птица.

– Тихо, маленькая, тихо, – шептал он в мягкую светловолосую макушку, ощущая, как вздрагивает, сотрясаясь в глухих рыданиях её маленькое хрупкое тело. И не было в тот момент для него существа ближе и роднее, чем эта ненавидящая всей душой его девочка, оставшаяся круглой сиротой в свои неполные семнадцать. И из гулких глубин памяти всплыло воспоминание: его первый день в интернате. Чужие незнакомые дети смотрят на него со всех сторон

подозрительно и недоверчиво и не решаются подойти к чужаку. Чужие незнакомые взрослые смотрят холодно и строго. Для них важнее всего дисциплина и порядок. А он кожей, всем своим существом чувствует глухую неприязнь и отчуждение. Он один среди всех этих людей, совершенно один, словно пришелец с другой планеты.

За спиной тихонько скрипнула дверь. Глеб скосил глаза на появившуюся на пороге Катерину Васильевну, заплаканную, потрясённую, и продолжая прижимать к себе плачущую девочку, попросил:

– Можно воды?.. Мне.

Зойка перестала плакать и затихла, замолчала, но продолжала судорожно прижиматься к груди Глеба, вцепившись в его свитер так, точно оторваться от него означало для неё неминуемую смерть. Он осторожно гладил её по острым, хрупким плечикам и то носом, то щекой прижимался к её волосам, с каким-то странным чувством всепоглощающего родства вдыхая их нежный запах. Когда Катерина Васильевна принесла ему стакан воды и протянула в дрожащей руке, он вдруг понял, что эти две несчастные, потрясённые известием, оставшиеся одни на всём свете, женщины – его семья и он за них в ответе.

Организацию похорон взял на себя Университет. Глеб был потрясён тем, сколько людей пришло проститься с профессором Леденёвым. Бесконечная череда одетых в чёрное людей тянулась мимо заваленного цветами гроба в актовом зале главного корпуса. И на кладбище, невзирая на завывающую метель, десятки, если не сотни коллег, однокашников, учеников, студентов, пациентов, которым Старик спас жизнь, со скорбными лицами друг за другом бросали комья мёрзлой земли на заколоченную крышку гроба в могиле. И от этих жутких гулких ударов каждый раз судорожно сжималось сердце.

Глеб старался держаться рядом с Катериной Васильевной и Зоей. Он украдкой поглядывал на опухшее от слёз лицо пожилой женщины и до боли сжимал в кармане куртки пузырёк с лекарством, прихваченный в последнюю минуту на всякий случай. У доброй волшебницы в эти тяжёлые дни держалось высокое давление. Зойку он не узнавал. Девочка превратилась в собственную тень, и он опасался, что та вот-вот просто упадёт в обморок. Таким бледным до прозрачности было её личико. А голубые глаза от залёгших под ними тёмных кругов казались неправдоподобно огромными.

После поминок они втроём вернулись домой. Квартира с её четырёхметровыми потолками вдруг показалась Глебу невероятно огромной и пустой. Каждое произнесённое слово гулким эхом разлеталось по углам, пробуждая призраки прошлого: вот Алексей Иванович, сидя за обеденным столом, своим низким звучным голосом что-то бубнит, а Мария Михайловна вдруг взрывается звонким залившимся смехом, фыркает Зойка, заражаясь всеобщим весельем, звякает посуда, расставляемая на столе Катериной Васильевной... И привычное чувство одиночества, срощеся с ним, точно вторая кожа, тает, истончается, покидает его в этой светлой атмосфере гостеприимной и дружной семьи.

– Пойдёмте, дорогие мои, чайку попьём с мороза, – позвала Катерина Васильевна, проходя в кухню, в свои привычные владения.

Глеб замёрз, продрог до костей на кладбище, словно в глубину его тела проникла зима своими ледяными щупальцами. Он сел за кухонный стол, с удовольствием привалившись боком к тёплой батарее, положил озябшие руки на ребристую чугунную панель, согревая их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.